

Н. Лавровский

А. Добіашъ.

Николай Алексѣевичъ Лавровскій,

первый директоръ Института Князя Безбородко.

[illegible]

НѢЖИНЪ.
Типо-Литографія М. В. Глезера.
1900.

Изъ Извѣстій Истор.-филологич. Института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, т. XVIII.

Николай Алексѣевичъ Лавровскій,

первый директоръ Института князя Безбородко.

Въ 1867 году ординарный профессоръ Харьковскаго университета по каѳедрѣ русской словесности и вмѣстѣ съ тѣмъ деканъ историко-филологическаго факультета и членъ попечительскаго совѣта, неоднократно принимавшій участіе въ ревизіяхъ учебныхъ заведеній Харьковскаго учебнаго округа и въ устраиваніи учительскихъ съѣздовъ, Николай Алексѣевичъ Лавровскій напечаталъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія глубоко продуманную статью педагогическаго содержанія подъ заглавіемъ: По вопросу объ устройствѣ гимназіи (см. Ж. М. Н. Пр., 1867, октябрь, стр. 115—192). Представляемъ извлеченіе изъ этой статьи*).

Подъ гимназіею авторъ статьи разумѣетъ ту среднюю школу, которая готовитъ своихъ воспитанниковъ въ высшія учебныя заведенія, то-есть, въ университеты и въ высшія, какъ онъ ихъ называетъ, реальныя училища (высшія техническія школы). Слабую сторону нашей „гимназіи“ авторъ, между прочимъ, видитъ въ томъ, что она раздѣлилась на „классическую“ и „реальную“, его desiderium—*единая* „гимназія“. Напрасно—думаетъ авторъ—высшія реальныя училища требуютъ для себя иной гимназіи, чѣмъ какая пригодна для университета: разъ поступленіе въ высшее реальное училище обусловлено прохожденіемъ особой, „*реальной*“ гимназіи, то этимъ родители часто бываютъ поставлены въ необходимость опредѣлять направленіе дѣятельности своихъ дѣтей на всю жизнь

Читатель спроситъ, почему мы, собираясь обрисовать дѣятельность Н. А. Лавровскаго въ Институтѣ, нашли нужнымъ дѣлать извлеченіе изъ статьи, написанной имъ задолго до открытія Института, и почему мы остановились именно на этой статьѣ. Отвѣчаемъ: Директоръ Института, готовящаго учителей для средней школы, есть прежде всего носитель идеи этой школы, а взгляды Николая Алексѣевича на современную среднюю школу лучше всего выражены въ этой статьѣ.

въ *десятилѣтнемъ возрастѣ*; въ правѣ ли это дѣлать родители, и не уничтожаетъ ли такое положеніе вещей всякую свободу самоопредѣленія? (ср. стр. 121),

Въ настоящее время мысль автора объ уничтоженіи свободы самоопредѣленія не имѣетъ существеннаго значенія, такъ какъ въ высшія реальныя училища можно попасть и воспитаннику *классической* гимназіи. Тѣмъ не мѣнѣе, однако, дѣленіе „гимназіи" на „классическую" и „реальную" остается въ силѣ. А между тѣмъ, что такое гимназія? „Занятія въ 10—17 лѣтній возрастъ—отвѣчаетъ на нашъ вопросъ авторъ, имѣя дѣло съ тогдашнею *семиклассною* „гимназіею"—должны носить исключительно общій характеръ безъ всякаго намѣреннаго и преждевременнаго наклоненія въ ту или другую сторону; гимназіи суть общеобразовательныя заведенія, и потому самому учебная ихъ организація должна быть строго сообразована съ этимъ ихъ основнымъ характеромъ, то-есть, должна заключать въ себѣ гармоническое сочетаніе такихъ существенно необходимыхъ предметовъ обученія, совокупность которыхъ вырабатывала бы стройное и гармоническое развитіе всѣхъ силъ и способностей учащагося до способности сознательнаго самоопредѣленія включительно; въ этотъ возрастъ нужно только развить *умственныя* и *нравственныя* силы дѣтей до этого самоопредѣленія, и тогда учащіеся сами сумѣютъ примкнуть къ жизни и наукѣ сотвѣтственно образовавшемуся въ нихъ господствующему направленію" (стр. 121).

Только что приведенный взглядъ на „гимназію" не представляетъ собою ничего новаго; это—взглядъ который приходится слышать постоянно[1]). Авторъ приводитъ его лишь съ цѣлью противопоставить ему, какъ теоріи, дѣйствительность. „У насъ—говоритъ авторъ—когда бы ни заговорили о гимназіи, всегда на концѣ языка слово *общеобразовательный*, когда же доходитъ дѣло до учебной организаціи гимназій, тотчасъ появляются всевозможныя практическія соображенія, растягивающія эту организацію до размѣровъ, явно превышающихъ дѣтскія силы, и порождающія многопредметность и разнохарактерность, которая и дѣйствуетъ, разумѣется, въ

[1]) Читатель скажетъ, что это—взглядъ слишкомъ узкій, и что гимназія должна также снабдить учащагося нѣкоторою суммою положительныхъ знаній, вообще требующихся отъ образованнаго человѣка. Что авторъ не упускаетъ изъ вида и эту «сумму знаній», мы увидимъ ниже; да и сама формула «развитіе умственныхъ и нравственныхъ силъ» предполагаетъ ее: развивать приходится эти силы на чемъ нибудь, на учебныхъ предметахъ.

подрывъ основного характера гимназій. Все это, очевидно, происходитъ отъ того, что въ учебную гимназическую организацію мы вносимъ свои собственныя личныя наклонности, заставляющія насъ терять изъ вида существенное назначеніе гимназій, ихъ основной характеръ, общеобразовательную цѣль“ (стр. 121).

Но помимо того, что мы любимъ вносить въ учебную организацію гимназій неподходящія, чисто практическія соображенія (они имѣютъ мѣсто въ среднихъ профессіональныхъ школахъ); помимо того, что „высшія реальныя училища“ ставятъ себя въ органическую связь съ особыми, „*реальными*“ гимназіями,—самый способъ, какимъ ведется рѣшеніе вопроса о примѣненіи къ дѣйствительности *основнаго* характера гимназіи, даетъ поводъ устанавливать въ ней два различныхъ направленія ученія. Придерживающіеся строго *основного* характера ученія въ гимназіи согласны между собою въ одномъ: „Тѣ предметы, которые наиболѣе возбудительно дѣйствуютъ на умственныя и нравственныя силы учениковъ, которые наиболѣе развиваютъ ихъ самодѣятельность посредствомъ непрерывнаго упражненія ихъ силъ на сообщаемомъ имъ содержаніи, которые даютъ не одно Wissen, но и Können, какъ говорятъ нѣмцы,—заслуживаютъ предпочтеніе передъ тѣми, главная сила которыхъ состоитъ въ дѣйствіи на память и воображеніе, и такіе предметы, пропорціонально ихъ общеобразовательному значенію, должны естественно занять наибольшую долю времени и труда. Въ числѣ такихъ предметовъ первое мѣсто принадлежитъ языкоученію и математикѣ, хотя дѣйствіе послѣдней, вращающейся исключительно въ сферѣ чистыхъ отвлеченій и не заключающей въ себѣ нравственнаго элемента въ тѣсномъ смыслѣ, необходимо должно отличаться односторонностью «(стр 138). Такъ разсуждаютъ всѣ, строго придерживающіеся *основного* характера ученія въ „гимназіи“, но затѣмъ—одни настаиваютъ въ языкоученіи на новыхъ языкахъ, другіе на классическихъ, одни вносятъ въ кругъ обязательныхъ, возбуждающихъ въ ученикѣ самодѣятельность, учебныхъ предметовъ естественную исторію, другіе считаютъ, при прохожденіи въ „гимназіи“ физики, естественную исторію совершенно лишнею, и въ концѣ концовъ выходитъ, что при устройствѣ учебной организаціи „гимназіи“ постоянно приходится считаться съ двумя, прямо таки *враждующими* другъ съ другомъ *партіями*. А между тѣмъ „раздвоеніе на два враждебныхъ лагеря нашихъ гимназій“, имѣющихъ, очевидно, одну и ту же цѣль, не можетъ не казаться мыслящему педагогу явленіемъ ненормальнымъ, болѣзненнымъ... Должно сознаться, что дѣло преми-

ренія обоихъ враждебныхъ направленій и установленія единства въ гимназическомъ устройствѣ—крайне трудное и едва ли вполнѣ возможное въ настоящее время, но что это примиреніе необходимо, что оно рано или поздно должно состояться, что оно безусловно требуется единственною цѣлью всякой „гимназіи", общимъ образованіемъ, что послѣднее необходимо предполагаетъ участіе всѣхъ общеобразовательныхъ средствъ, въ этомъ также нельзя сомнѣваться" (стр. 133—134).

Вопросъ идетъ прежде всего о естественной исторіи. Серьезно „никто не можетъ отвергать образовательнаго значенія естественной исторіи для начальнаго и нагляднаго обученія, когда, при слабомъ развитіи мысли учениковъ, необходимо имъ предлагать такое содержаніе, которое можно разсмотрѣть, осязать, которое можно усвоить прежде всего при непосредственномъ участіи внѣшнихъ чувствъ"... Классическая „гимназія не имѣетъ права исключать естественную исторію изъ числа своихъ учебныхъ предметовъ.... Предметы природы повсюду встрѣчающіе ученика, способны въ высшей степени приковать его вниманіе и возбудить любознательность... А потому должно признать естественную исторію важнымъ учебнымъ предметомъ именно для *низшихъ* классовъ, и каждую отрасль ея тѣмъ болѣе важною, чѣмъ болѣе она возбуждаетъ самодѣятельность; при этомъ, двухъ часовъ въ недѣлю въ низшихъ классахъ достаточно для этихъ занятій . . . Нужно только не терять изъ вида, что успѣхъ преподаванія естественной исторіи дѣтямъ прежде всего обусловливается личнымъ достоинствомъ учителя". Вообще, „недостаточно внести предметъ въ учебный планъ и оправдать это внесеніе общими соображеніями, а необходимо обезпечить его положеніе въ учебномъ заведеніи и ту пользу, которую отъ него ожидаютъ (стр. 139—141).

Но гдѣ же найти время для естественной исторіи въ классической гимназіи, когда послѣдняя уже и такъ обременена учебнымъ матеріаломъ? „Если вы—отвѣчаетъ на этотъ вопросъ авторъ—примете въ строгое вниманіе характеръ и свойство общеобразовательнаго значенія каждаго предмета, согласно съ цѣлью общаго образованія, если вы точно установите minimum ихъ содержанія, тогда вы, безъ сомнѣнія, не только отыщете надлежащее мѣсто для естественной исторіи, но еще и сдѣлаете значительное сбереженіе времени, потребнаго для домашнихъ работъ гимназистовъ и необходимаго освѣженія ихъ силъ" (стр. 137).... Это установленіе minimum'а содержанія или эта, какъ ее авторъ называетъ, „концентрація" учебнаго предмета—должна, конечно, состоять не въ со-

кращеніи содержанія въ тощую, сухую и безжизненную форму, а въ выдѣленіи существеннаго для основательнаго и сознательнаго усвоенія его учениками (стр. 139), соотвѣтственно степени и характеру той общеобразовательной силы, которая заключается въ каждомъ предметѣ (стр. 138) Такъ, напримѣръ:

„Исторія, общая и русская, должна занять второстепенное мѣсто въ ряду предметовъ гимназическаго ученія, а потому, уменьшившись въ своемъ содержаніи, естественно должна требовать для себя меньше времени и труда. Предлагаемый ею учебный матеріалъ не отличается законченностью, опредѣленностью и точностью, какими отличается содержаніе математики и языкоученія, а что главное, на немъ не возможны тѣ непрерывныя упражненія мысли, та самостоятельность и вполнѣ сознательная работа мысли при усвоеніи и воспроизведеніи его, въ которыхъ именно и заключается наибольшая развивающая сила. Историческіе выводы всегда болѣе или менѣе условны и не идутъ дальше вѣроятностей или правдоподобія. Какъ бы ни многочисленны и какъ бы ни искусно сопоставлены были посылки, онѣ никогда не поведутъ къ точнымъ выводамъ, какіе только и должно предлагать въ разсматриваемомъ возрастѣ. Ученики должны усваивать эти выводы, вмѣстѣ со всѣми предшествующими имъ посылками, на вѣру, со словъ учителя или учебника,—другими словами, дѣйствовать тою же памятью, при весьма слабомъ и вовсе не самостоятельномъ участіи мысли и воображенія. А такое усвоеніе познаній, сообщающее одну только видимость знанія, не можетъ не повлечь за собою и понятнаго нравственнаго вреда, котораго будетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше будетъ въ учителѣ притязаній на расширеніе содержанія (что особенно часто встрѣчается) и чѣмъ сильнѣе будетъ въ немъ стремленіе къ обобщенію выводовъ. Ни одинъ, конечно, здравомыслящій педагогъ не повѣритъ въ способность учениковъ сознательно слѣдить за постепеннымъ развитіемъ историческихъ идей, тѣмъ менѣе за откровеніемъ Промысла въ жизни народовъ. Критическая оцѣнка событій въ гимназіи также преждевременна: въ этомъ согласятся съ нами всѣ, какъ и въ томъ, что примѣненіе критики къ обученію исторіи уже принесло гимназіямъ много горькихъ плодовъ, породивъ фразерство, легкое и презрительное отношеніе къ наукѣ и ко всякому серьезному и самостоятельному труду. Полузнаніе или ложное знаніе—таковъ неизбѣжный плодъ несвоевременнаго примѣненія пріемовъ, не свойственныхъ гимназическому преподаванію исторіи. Вотъ почему, по самому свойству учебнаго матеріала, въ примѣненіи къ „гимназіямъ“, исторія больше

чѣмъ какой либо другой предметъ настоятельно требуетъ возможнаго сокращенія и упрощенія своего содержанія; вотъ почему исторія требуетъ въ гимназіяхъ возможно-большей концентраціи..... Нельзя, конечно, допустить, чтобы гимназія отказала своему воспитаннику въ томъ, что необходимо каждому образованному человѣку, особенно въ знаніи *отечественной* исторіи, чтобы она отказала ему также въ *образовательномъ* вліяніи принадлежащаго ей историческаго содержанія. Однако, что *дѣйствительно* нужно для преподаванія исторіи въ гимназіяхъ и чего *настоятельно* требуетъ разумная концентрація гимназическаго ученія, это—для низшихъ классовъ *біографическій* элементъ, а для высшихъ—выдѣленіе важнѣйшихъ, эпоху составляющихъ событій для основательнаго усвоенія ихъ учениками, съ краткимъ указаніемъ ихъ связи въ общемъ ходѣ событій..... Нельзя, впрочемъ, не указать здѣсь на одно обстоятельство: у насъ любятъ обходить полнѣйшимъ молчаніемъ прошлое, иногда весьма знаменательное, единоплеменныхъ намъ славянъ.... Конечно, обученіе исторіи въ нашихъ гимназіяхъ не должно быть поставлено въ зависимость отъ какихъ бы то ни было политическихъ соображеній (хотя и они имѣютъ право на вниманіе), но при большей и понятной близости основаній и условій жизни, вслѣдствіе племенного родства, а также при непрерывной и внутренней связи нашего историческаго развитія съ общеславянскимъ—презрительное, вовсе не идущее къ намъ.... игнорированіе славянства есть явленіе въ высшей степени ненормальное и болѣзненное, настоятельно требующее быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ для его устраненія..... Каждая связь общеисторическаго матеріала съ міромъ славянскимъ, въ особенности въ отечественной исторіи и литературѣ, должна тотчасъ служить поводомъ для основательнаго, хотя и краткаго, ознакомленія съ нимъ учащихся, что и будетъ имѣть, все въ совокупности, необходимымъ слѣдствіемъ—уясненіе сознанія о славянскомъ мірѣ въ нашемъ обществѣ (стр. 142—144).

„Наибольшей концентраціи—говоритъ профессоръ русской словесности Николай Алексѣевичъ Лавровскій—требуетъ настоятельно, въ примѣненіи къ гимназіямъ, и исторія отечественной литературы. Систематическое и сколько нибудь подробное изложеніе ея, по нашему рѣшительному мнѣнію, не можетъ имѣть мѣста въ гимназіи ни по времени, какимъ можетъ располагать послѣдняя, ни по самому свойству своего содержанія въ общеобразовательномъ отношеніи, ни, наконецъ, по современному ея состоянію, неудобному для гимназическаго препо-

даванія, такъ какъ послѣднее требуетъ *точныхъ* выводовъ. Гипотетичность выводовъ здѣсь еще больше можетъ затруднить, чѣмъ въ исторіи, а критическое отношеніе къ историко-литературному матеріалу естественно должно сопровождаться тѣми же, указанными выше, послѣдствіями. Гоньба за системою и идеями, недоступными еще слабо развитому сознанію, способна оттолкнуть отъ усвоенія предмета въ томъ смыслѣ, въ какомъ это желательно, а скороспѣлость сужденій и выводовъ произведетъ то же полузнаніе, ложь и фразерство, которыя гораздо хуже незнанія. Чтеніе немногихъ образцовъ устной народной поэзіи, какъ наиболѣе оригинальной, немногихъ произведеній письменной литературы, древней и новой, наиболѣе выражающихъ умственное и нравственное состояніе эпохи, съ доступнымъ для учащихся объясненіемъ каждый разъ рода и вида прозаическихъ и поэтическихъ произведеній, причемъ послѣднее должно замѣнить собою отдѣльное преподаваніе теоріи словесности—вотъ все, что можетъ быть содержаніемъ гимназическаго преподаванія такъ называемой словесности, лучшее изъ остального содержанія литературы можетъ быть предметомъ домашняго чтенія, благоразумно руководимаго учителемъ и сопровождаемаго письменнымъ воспроизведеніемъ. Предметный и эстетическій анализъ образцовыхъ литературныхъ произведеній, расплодившійся въ послѣднее время и заслуживший столько справедливыхъ нареканій, можетъ быть допускаемъ только съ большими ограниченіями, въ противномъ случаѣ анализы этого рода могутъ послужить лучшимъ средствомъ противъ образованія въ ученикахъ наклонности и любви къ предмету и къ собственному чтенію, что должно составлять главную задачу учителя и что можетъ обѣщать дѣйствительный успѣхъ и сильное образовательное вліяніе". (стр. 145—146).

„Слѣдуетъ также концентрировать преподаваніе отечественнаго языка въ гимназіяхъ. Въ этомъ отношеніи должно пожелать прежде всего освобожденія отъ излишняго, посторонняго и отдаляющаго отъ цѣли, отъ всѣхъ увлеченій и крайностей такъ называемаго вещественнаго разбора, отъ всякаго телкованія вкривь и вкось de nihilo et multis aliis. Затѣмъ нельзя не пожелать, чтобы установлено было необходимое единство и гармонія въ обученіи языкамъ вообще, въ томъ числѣ русскому, въ низшихъ классахъ гимназіи .... Кто понимаетъ весь вредъ той розрозненности гимназическаго преподаванія вообще, при которой каждый учитель ведетъ свое дѣло совершенно отдѣльно и независимо и не считаетъ себя ни мало обязаннымъ справляться, что дѣлается въ то же время

на однородныхъ урокахъ другого учителя, тотъ легко представитъ себѣ и тотъ хаосъ, ту страшную путаницу понятій, которая должна господствовать въ дѣтскихъ головахъ отъ этого многоязычія..... Отъ приведенія въ органическую связь съ обученіемъ другимъ языкамъ, особенно древнимъ, выиграетъ русскій языкъ какъ по вопросу объ успѣшности его преподаванія вообще, такъ и, въ особенности, по вопросу о его концентраціи: всѣ учители, долго и добросовѣстно обучавшіе отечественному языку, въ концѣ концовъ приходили къ убѣжденію, что всякое теоретическое и грамматическое его преподаваніе совершенно безцѣльно и какъ для учителей, такъ и для учениковъ мучительно и безотрадно, такъ какъ въ ученикахъ нѣтъ еще воспріимчивости къ научному его изложенію;... объективировать отечественный языкъ трудно, и это объективированіе нарушаетъ свѣжесть и непосредственность впечатлѣній, производимыхъ на дѣтей ихъ роднымъ языкомъ, какъ явленіемъ органическимъ; наоборотъ, при посредствѣ чужого языка, усвоеніе формъ языка отечественнаго можетъ совершаться вполнѣ сознательно, и въ этомъ отношеніи чѣмъ отдаленнѣе этотъ посредствующій языкъ отъ своего, чѣмъ болѣе своеобразности и рѣзкихъ отличій заключаетъ онъ, какъ каждый изъ древнихъ языковъ, тѣмъ лучше“ (стр. 151—153).

Что касается спора о новыхъ иностранныхъ и древнихъ языкахъ въ гимназическомъ языкоученіи, то желающіе разрѣшить его должны прежде всего помнить, что практическая цѣль, которую имѣютъ въ виду защитники преимущества новыхъ языковъ передъ древними, вообще не можетъ имѣть мѣста въ гимназическомъ ученіи: гимназіи „потому и называются общеобразовательными, что въ нихъ все учебное дѣло, и содержаніе и форма, установляется прежде всего и главнымъ образомъ въ интересахъ общаго развитія; практическія цѣли могутъ имѣть мѣсто здѣсь на столько, на сколько онѣ могутъ быть достигаемы какъ необходимое *слѣдствіе* усвоенія содержанія, которое *само по себѣ* имѣетъ *общеобразовательную* тенденцію“ (стр. 162).... Да и что это за практическая цѣль, которою желаютъ оправдать преимущество, въ гимназическомъ ученіи, новыхъ языковъ передъ древними? Не чтеніе ли книгъ на иностранномъ языкѣ, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ? „Никто, конечно, не станетъ говорить противъ пользы чтенія книгъ на иностранномъ языкѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—и необходимости. Но неужели же можно этимъ руководиться при рѣшеніи вопроса объ организаціи гимназическаго ученія? Если бы въ обученіе греческому языку вносилась *эта* цѣль и *только* она, то-есть, чтеніе греческихъ

книгъ, а въ обученіе латинскому—чтеніе книгъ латинскихъ, то дѣйствительно слѣдовало бы немедленно же озаботиться рѣшительнымъ и скорѣйшимъ изгнаніемъ этихъ языковъ изъ гимназіи уже потому, что всѣ лучшія и важнѣйшія произведенія на этихъ языкахъ переведены на всевозможнѣйшіе новѣйшіе языки, хотя бы эти переводы и не давали полнаго и точнаго понятія о подлинникахъ; игра не стоитъ свѣчъ" (стр. 163).... „Для ученика, усвоившаго строй хоть бы одного древняго языка, новый языкъ не можетъ представлять большихъ затрудненій и вовсе не требуетъ такъ много времени.... Кто знаетъ это, тотъ знаетъ и то, что гоньба въ гимназіи за новыми языками только съ этою практическою цѣлью съ низшихъ классовъ до высшихъ и притомъ съ такимъ числомъ уроковъ (19 въ классическихъ, а 24 въ реальныхъ гимназіяхъ) есть ничѣмъ неоправдываемая затрата времени. А если при требованіи обученія новому языку непремѣнно съ дѣтскаго возраста имѣется въ виду еще и другая практическая цѣль,—мы разумѣемъ *говореніе* на этомъ языкѣ,—то мы никакъ не позволимъ себѣ думать, чтобы *вообще* можно было преслѣдовать въ гимназіи нѣчто подобное при извѣстной *многочисленности* учениковъ: извѣстно, что и говорившіе прежде дома по-нѣмецки и по-французски въ гимназіи только разучиваются этому искусству" (стр. 164).

„Вообще"—думаетъ авторъ статьи—„нельзя вести даже серьезнаго спора о преимуществахъ новыхъ языковъ передъ древними, ... въ *общеобразовательномъ* смыслѣ, такъ какъ силы на той и на другой сторонѣ далеко не равныя" (стр. 159)..... „Древніе языки, уже по одному богатству формъ, въ общеобразовательномъ смыслѣ важнѣе новыхъ (стр, 157)..... Конечно, „не въ *заучиваніи* этимологическихъ формъ заключается образовательная сила языкоученія, а въ пріятной работѣ дѣтскаго ума надъ отыскиваніемъ средствъ въ *родномъ* языкѣ,.... въ весьма трудномъ, потому и въ высшей степени образовательномъ процессѣ перенесенія мысли, уложившейся въ своеобразную форму классическаго языка и нашедшей въ ней богатыя средства для своего выраженія, въ языкъ *родной*, имѣющій также *своеобразную* форму, *свой* складъ и *свои* средства для выраженія *тѣхъ же* отношеній мысли и разныхъ *оттѣнковъ* этихъ отношеній" (стр. 158).... Не этимъ, впрочемъ, должно ограничиваться занятіе древними языками въ гимназіи, и не въ этомъ заключается главная цѣль этихъ занятій: правильное уразумѣніе содержанія жизни обоихъ классическихъ народовъ въ ея лучшихъ явленіяхъ, посредствомъ чтенія и объясненія образцовыхъ

произведеній—вотъ задача, къ которой должно быть направлено обученіе древнимъ языкамъ въ гимназіи, независимо отъ общеобразовательнаго элемента, заключающагося въ обученіи самимъ языкамъ“ (стр. 137)..... „Что при сколько нибудь добросовѣстномъ и правильномъ веденіи дѣла можно довести ученика въ высшихъ классахъ гимназіи и до эстетическаго пониманія классиковъ, въ этомъ мы можемъ сослаться на нашъ собственный опытъ (стр. 176)..... Правда, за нашею школою много грѣховъ какъ въ обученіи древнимъ языкамъ, такъ и вообще; приходится только желать, чтобы грѣхъ былъ поскорѣе сознанъ, ибо „сознаніе грѣха—половина исправленія“ (стр. 186).

По вопросу о предпочтеніи какого-либо одного древняго языка передъ другимъ авторъ статьи высказывается, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ: «Все прошлое нашей исторической жизни находилось въ непрерывной и самой тѣсной внутренней связи съ греческою культурою, хотя бы и въ ея позднѣйшемъ развитіи, имѣющемъ, однако, свои корни въ классической; насъ, русскихъ, тѣ же побужденія, если не большія, ведутъ съ необходимостью къ предпочтенію греческаго языка латинскому, какія заставляютъ нѣмцевъ и вообще западные народы предпочитать языкъ латинскій греческому (стр. 179)... А потому, если бы когда-либо предстояла необходимость выбора между двумя древними языками, то не можетъ быть ни малѣйшаго колебанія въ выборѣ *греческаго* языка, по заключающемуся въ немъ сильнѣйшему образовательному элементу, по оригинальности и высокому значенію греческой культуры сравнительно съ римскою, и по связи нашей исторической жизни и образованія съ Византіею“ (стр. 191).

„При правильной и цѣлесообразной концентраціи отдѣльныхъ учебныхъ предметовъ самихъ въ себѣ и при группировкѣ ихъ вокругъ языкоученія и математики, какъ *главныхъ* предметовъ (ср. стр. 156), *письменныя упражненія*, каковы бы ни были ихъ виды и формы, должны непрерывно сопровождать гимназиста во все время его обученія въ гимназіи, со дня поступленія въ нее до выхода изъ нея. Nulla dies sine linea—вотъ правило, которое должно быть написано при входѣ въ каждую гимназію (стр. 153—154) и которое должно относиться *именно* къ письменнымъ работамъ—этой нейтральной почвѣ, на которой должны сходиться *всѣ* учителя, парализуя этимъ разрозненность своей дѣятельности и свою изолированность (стр. 155—156). Вѣрно или нѣтъ, но внимательное и продолжительное наблюденіе надъ учебнымъ дѣломъ въ нашихъ гимназіяхъ привело насъ къ тому убѣжденію, что одною изъ

главныхъ причинъ неудовлетворительности результатовъ гимназическаго обученія... должно считать недостатокъ самодѣятельности учениковъ..., недостатокъ всевозможныхъ письменныхъ работъ. Слушаніе и говореніе— вотъ двѣ формы, въ которыхъ движется все наше гимназическое обученіе, и въ этомъ отношеніи, особенно по нѣкоторымъ предметамъ, наши гимназіи по справедливости можно назвать университетами въ миніатюрѣ. Что же отсюда выходитъ? Ученики непрерывно слушаютъ, заучиваютъ выслушанное, отдаютъ отчетъ въ заученномъ, и въ самомъ благопріятномъ случаѣ доносятъ все накопившееся разнообразное содержаніе до окончательнаго экзамена, сдаютъ его учителю по принадлежности, какъ бы для сложенія въ гимназическій архивъ, и облегченные отъ этой неудобоносимой тяжести, съ радостью оставляютъ гимназію, забывая скоро все, чему ихъ тамъ учили.... Часто дѣло кончается тѣмъ, что ученикъ, оканчивающій курсъ въ гимназіи, не можетъ связно и грамматически правильно изложить двѣ—три мысли на бумагѣ (стр. 154)... Да, письменныя упражненія должны составлять интегральную часть занятій по каждому предмету, для самостоятельнаго и вполнѣ сознательнаго усвоенія его содержанія, для укрѣпленія его въ памяти, для возбужденія собственной производительности на сообщаемомъ матеріалѣ и для пріученія къ ней.... *Всѣ* учителя должны принимать непрерывное и непосредственное участіе въ письменныхъ работахъ учениковъ[1])—это истина, которая не можетъ подлежать никакому возраженію и отъ проведенія которой зависитъ дѣйствительный успѣхъ гимназическаго образованія“ (стр. 155).

Вотъ къ какимъ совѣтамъ ведетъ автора его глубокое пониманіе задачи гимназіи, его увѣренность въ переходномъ, временномъ характерѣ реальныхъ гимназій, его вѣра въ прекращеніе дуализма и въ объединеніе реальныхъ и классическихъ гимназій при посредствѣ благоразумной концентраціи, его убѣжденіе, что основаніе всего гимназическаго

[1]) По поводу этихъ словъ автора позволяемъ себѣ указать на мысль, не нашедшую себѣ выраженія въ его статьѣ, но пополняющую, по данному вопросу, какъ нельзя лучше его взглядъ на гимназію; ее приходилось часто слышать отъ Николая Алексѣевича. Участіе всѣхъ преподавателей въ письменныхъ работахъ учениковъ— говаривалъ Н. А.—служитъ лучшимъ средствомъ для того, чтобы все гимназическое обученіе превратилось въ обученіе русскому языку; кто жалуется на малое количество уроковъ русскаго языка въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, тому можно возразить, что при правильномъ веденіи дѣла количество уроковъ русскаго языка какъ разъ покрывается тою нормою 28—30 еженедѣльныхъ часовъ, которые положены по росписанію для того или иного класса.

обученія—математика и языкоученіе, при участіи обоихъ древнихъ языковъ и прежде всего греческаго, какъ наиболѣе образовательнаго и важнаго для насъ (ср. стр. 192). „Можно надѣяться,—говоритъ авторъ,—что гимназіи, организованныя въ этомъ духѣ, будутъ выполнять свое назначеніе, которое, выражаясь кратко, заключается въ *воспитываніи*,—въ воспитываніи посредствомъ *обученія*, и въ приготовленіи къ послѣдующимъ занятіямъ въ университетѣ“ (стр. 156).

Что касается „высшихъ реальныхъ училищъ“, то, конечно, отъ нихъ нельзя ожидать особенной поддержки въ объединеніи реальныхъ и классическихъ гимназій. Высшія реальныя училища... „требуютъ полноты и отчетливости опредѣленныхъ познаній, необходимыхъ для успѣшнаго усвоенія дальнѣйшихъ *однородныхъ* свѣдѣній въ ихъ спеціализаціи и приложеніи къ жизни“ (стр. 128). Къ этому ихъ требованію приправливается реальная гимназія, придавая своему ученію преимущественно практическій характеръ. Но не слѣдовало ли бы дѣлать наоборотъ?—не слѣдовало ли бы высшимъ реальнымъ училищамъ приправливаться къ *единой* гимназіи, съ ея *общеобразовательнымъ* характеромъ, и приводить въ согласіе свой начальный курсъ съ курсомъ этой единой гимназіи? Во всякомъ случаѣ, въ университетъ воспитанники реальныхъ гимназій, съ ихъ практическимъ и одностороннимъ характеромъ ученія, не пригодны. „Нельзя также думать, что какова бы ни была учебная организація реальной гимназіи, каковы бы ни были подборъ, группировка и взаимное отношеніе всѣхъ, назначенныхъ для нея, предметовъ обученія въ связи съ ея общею, практическою, цѣлью, достаточно сравнить *названія* предметовъ въ обѣихъ категоріяхъ гимназіи, прибавить, напримѣръ, въ реальной гимназіи недостающій ей, сравнительно съ классическою, латинскій языкъ, и ученикъ реальной гимназіи какъ разъ долженъ быть готовъ къ поступленію въ университетъ. Такой латинскій языкъ.... нельзя назвать даже заплатою, а просто кускомъ первой попавшейся подъ руку матеріи и пришитой наскоро, грубымъ швомъ, къ одеждѣ, въ которую облечена реальная гимназія“ (стр. 124). Въ университетъ не пригоденъ воспитанникъ реальной гимназіи не только по отличію ея *практическаго* направленія отъ *общеобразовательнаго* гимназіи классической,—по отличію, которое не измѣнится отъ прибавленія латинскаго языка,—но также и по отличію университетскаго преподаванія отъ преподаванія въ высшихъ реальныхъ училищахъ: „въ самой обработкѣ хотя бы даже однихъ и тѣхъ же *реальныхъ* наукъ въ высшихъ реальныхъ училищахъ господствуетъ онять таки *практическое* напра-

вленіе и *практическій* характеръ, а въ университетахъ—*ученое* направленіе и *ученый* характеръ; въ высшихъ реальныхъ училищахъ изучается содержаніе этихъ наукъ въ его непосредственномъ примѣненіи къ опредѣленнымъ явленіямъ жизни, въ университетахъ не только изучается то же содержаніе съ научной точки зрѣнія, но и вырабатывается способность и наклонность къ послѣдующему самостоятельному занятію тѣми же науками, къ расширенію ихъ предѣловъ, къ веденію ихъ впередъ, даже вовсе независимо отъ практическихъ потребностей.... Вслѣдствіе этого университетъ прежде всего предполагаетъ опредѣленную степень и характеръ *общаго развитія*, необходимаго для каждаго поступающаго безразлично, какому разряду наукъ онъ ни посвятилъ бы впослѣдствіи свою дѣятельность. А это общее развитіе пріобрѣтается не односторонним дѣйствіемъ на учащихся одною категоріею наукъ, а всесторонним вліяніемъ всѣхъ тѣхъ предметовъ обученія, въ которыхъ заключается наибольшая образовательная сила. Только такое общее развитіе, покоящееся на прочной исторической почвѣ, можетъ усвоить себѣ широкій и глубокій взглядъ на всю цѣпь наукъ, на весь ихъ организмъ; только такое общее развитіе можетъ спокойно и съ уваженіемъ отнестись ко всякой наукѣ; только такое общее развитіе можетъ вполнѣ и точно ориентироваться и въ избранной спеціальной наукѣ; только подъ условіемъ такого общаго развитія возможна дѣйствительно производительная дѣятельность въ наукѣ. Если въ нашихъ университетахъ иногда можно было замѣтить неуважительныя отношенія спеціалистовъ по наукамъ одной категоріи къ спеціалистамъ по наукамъ другой, односторонность и узкій взглядъ, слабую связь съ избранною наукою и происходящее отсюда увлеченіе въ сторону, то источникъ этихъ недостатковъ кроется прежде всего въ прискорбной слабости общаго развитія, на которомъ, какъ на общемъ основаніи, должно покоиться спеціальное изученіе отдѣльныхъ наукъ. Именно въ настоящее время, когда, вслѣдствіе разнообразнаго накопленія наукъ и быстраго расширенія ихъ содержанія, угрожаетъ опасность рѣшительнаго ихъ разобщенія и разъединенія, ослабленія сознанія о ихъ общей связи и взаимномъ отношеніи, когда университетъ по той же причинѣ не можетъ принять на себя труда поддерживать и утверждать это сознаніе[1]), именно въ настоящее

[1]) Авторъ противопоставляетъ теперешній строй университетскаго ученія тому положенію, по которому для каждаго студента университета, какому разряду наукъ онъ ни посвятилъ бы свою дѣятельность, считалось обязательнымъ пробыть нѣсколько

время съ особенною силою должна чувствоваться потребность прочнаго, всесторонняго и общаго развитія. Сущность университетскаго образованія, въ отличіе отъ того, какое сообщается спеціальными училищами, направленными непосредственно къ практическимъ цѣлямъ, и состоитъ въ томъ, что оно утверждается на общемъ историческомъ и философскомъ основаніи, что спеціальныя науки изучаются въ немъ съ яснымъ сознаніемъ связи всѣхъ наукъ при непрерывномъ проникновеніи ихъ философскимъ элементомъ, что оно имѣетъ въ виду постоянно науку и *развитіе*, посредствомъ нея, *изучающихъ ее*, а не практическое ея значеніе, которое не замедлитъ обнаружиться само собою, такъ какъ результаты спеціальныхъ изслѣдованій дѣлаются въ то же время общимъ достояніемъ. Чѣмъ живѣе и тѣснѣе эта связь наукъ, тѣмъ живѣе университетскій духъ“ (стр. 127—129).

Трудно дѣлать извлеченіе изъ статьи, написанной не тономъ сухого изслѣдованія узкаго спеціалиста, а тономъ убѣжденнаго, широко захватывающаго, цѣльнаго и высоко образованнаго человѣка, какимъ былъ Николай Алексѣевичъ Лавровскій: вся статья, отъ начала до конца, написана золотыми буквами. Но и по сообщеннымъ нами выдержкамъ можно убѣдиться, что Николай Алексѣевичъ былъ точно *созданъ* для роли, выпавшей на его долю въ Нѣжинѣ,—открыть и вести Институтъ, назначенный для приготовленія учителей той средней школы, которую онъ называетъ „гимназіею“.

Институтъ князя Безбородко,—высшее учебное заведеніе,—готовитъ учителей среднихъ школъ черезъ изученіе научныхъ предметовъ, болѣе всего способныхъ укрѣпить то сознаніе связи всѣхъ наукъ, которое Н. А. ставитъ непремѣннымъ условіемъ высшаго, университетскаго, образованія; мы разумѣемъ циклъ историко-филологическихъ дисциплинъ. Институтъ князя Безбородко разсчитанъ на сто человѣкъ студентовъ-интерновъ, всѣ студенты Института пользуются казеннымъ содержаніемъ, ежегодный бюджетъ его—88164 рублей[1]), курсъ въ немъ—четырехъ-годичный, а принимаются въ него воспитанники гимназіи, по аттестату зрѣлости, причемъ имѣющіе въ аттестатахъ отмѣтку 3 по древнимъ языкамъ подвергаются повѣрочному испытанію; могутъ быть принимаемы и окончив-

---

времени на „философскомъ“ факультетѣ или, какъ это еще раньше практиковалось и еще въ бо́льшихъ размѣрахъ, на факультетѣ „свсбодныхъ искусствъ“.

[1]) Изъ нихъ—14000 обезпечены пожертвованіями основателей высшаго учебнаго заведенія въ Нѣжинѣ, а остальную сумму даетъ правительство.

шіе общеобразовательный курсъ духовныхъ семинарій, но подъ условіемъ выдержанія особо установленнаго не сей предметъ экзамена. Открывать пришлось Н. А-чу ввѣренное ему учебное заведеніе постепенно, курсъ за курсомъ.

Не одно твердое убѣжденіе въ правильности своихъ взглядовъ на задачу гимназіи дѣлало Н. А-ча способнымъ къ его новой роли: онъ оказался весьма искуснымъ организаторомъ, отличался административнымъ тактомъ, энергіею въ трудѣ, общительностью, прямотою и задушевностью въ обращеніи съ тѣми, съ кѣмъ имѣлъ дѣло; это былъ вообще человѣкъ вполнѣ уравновѣшенный, настоящая mens sana, притомъ, въ оправданіе пословицы, in corpore sano.

Н. А. переѣхалъ изъ Харькова въ Нѣжинъ въ январѣ 1875 года. Первые восемь мѣсяцевъ онъ, помимо веденія дѣлъ закрывавшагося Лицея князя Безбородко[1]), занялся подготовительными работами къ открытію новаго учебнаго заведенія. О результатахъ этихъ работъ онъ сообщилъ въ день открытія Института, 14 сентября 1875 года, въ своей актовой рѣчи. Н. А. былъ чрезвычайно скромный человѣкъ; свои успѣхи онъ не любилъ относить къ себѣ, а относилъ ихъ всегда къ своимъ помощникамъ. Но въ подготовительныхъ работахъ у него не было помощниковъ, а потому на первомъ институтскомъ актѣ онъ долженъ былъ, противъ обыкновенія, выступить съ своимъ *я*. Вотъ что онъ говоритъ о подготовительныхъ работахъ (см. „Извѣстія Института“, т. I, стр. 6—19).

„Приспособляя зданіе къ цѣлямъ Института, я съ первыхъ дней прибытія въ Нѣжинъ занятъ былъ мыслью о помѣщеніи преподавателей Института въ самомъ Институтѣ. Дороговизна квартиръ, не уступающая дороговизнѣ квартиръ въ большихъ городахъ, но безъ удобствъ послѣднихъ, затрудненіе въ сообщеніи, по причинѣ сильной грязи, господствующей весьма продолжительное время, вмѣстѣ съ другими неудобствами жизни въ небольшомъ провинціальномъ городѣ,—все это не могло, конечно, служить средствами привлеченія лучшихъ учебныхъ

[1]) Лицей князя Безбородко, высшее учебное заведеніе съ циклomъ юридическихъ наукъ (не интернатъ), закрывался такъ же постепенно, какъ постепенно открывался Институтъ. Въ 1874—5 акад. году въ Лицеѣ имѣлись лишь два высшихъ курса, а въ слѣдующемъ 1875—6 году онъ оставался рядомъ съ вновь открытымъ учебнымъ заведеніемъ съ однимъ своимъ, послѣднимъ, курсомъ. Послѣднимъ директоромъ Лицея былъ М. К. Чалый, отъ котораго Н. А. и принялъ завѣдываніе Лицеемъ въ январѣ 1875 года.

силъ въ Нѣжинъ[1]). Мысль эта, встрѣченная сочувственно его сіятельствомъ, г. министромъ народнаго просвѣщенія, получила дальнѣйшее движеніе, а въ настоящее время существуетъ проектъ устройства особыхъ флигелей для помѣщенія преподавателей Института. Въ то же время разрѣшено впредь, до устройства послѣднихъ, помѣстить преподавателей временно въ самомъ зданіи Института.

„Другимъ важнымъ дѣломъ, занимавшимъ меня съ марта по послѣдніе дни, было устройство институтской библіотеки.... Изъ библіотеки, унаслѣдованной Институтомъ отъ Лицея, предстояло выдѣлить сочиненія, которыя не могли найти себѣ мѣста въ библіотекѣ Института, составить новые фундаментальный и систематическій каталоги, размѣстить книги въ новомъ порядкѣ.... Помѣщеніе библіотеки въ тѣсной, хотя большой компатѣ вмѣстѣ съ гимназическою, необходимо требовало расширенія даже въ прежнемъ ея составѣ; при предстоящихъ же ей ежегодныхъ приращеніяхъ, оно было бы невозможно.... Въ настоящее время, благодаря просвѣщенному сочувствію почетнаго попечителя графа А. И. Мусина-Пушкина къ нуждамъ нашего Института, библіотека, помѣщаясь въ пяти прекрасныхъ комнатахъ его собственной квартиры въ зданіи Института, на долгое время обезпечена въ пространствѣ, несмотря на ожидаемыя весьма значительныя приращенія.... Наличный библіотечный матеріалъ, еще до открытія Института, обогатился, благодаря просвѣщенной заботливости его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія о возникавшемъ учебномъ заведеніи, пріобрѣтеніемъ библіотеки покойнаго директора С.-Петербургскаго Института И. Б. Штейнмана, заключающей въ себѣ значительное собраніе классическихъ авторовъ и сочиненій по классическимъ языкамъ, литературѣ, древностямъ и миѳологіи.... Кромѣ того, вслѣдствіе распоряженія г. министра народнаго просвѣщенія, обращены въ институтскую библіотеку полезные для насъ дублеты бывшей Варшавской городской, нынѣ университетской библіотеки, относящіеся преимущественно къ отдѣламъ богословскому, историческому и литературному, и при томъ по ихъ отношенію къ Польшѣ и западной Россіи..... Небольшой по размѣру, но цѣнный вкладъ

[1]) Помѣщеніе преподавателей Института въ самомъ Институтѣ оказалось потомъ весьма полезнымъ и въ другомъ отношеніи: это было лучшее внѣшнее условіе для развитія той непосредственной близости профессоровъ къ студентамъ, которая такъ желательна для дѣла, и которая такъ быстро установилась при Н. А-чѣ. Благодаря помѣщенію преподавателей въ Институтѣ, несравненно лучше стало достигаться то, для чего въ университетахъ назначаются особыя Sprechstunden.

въ институтскую библіотеку сдѣланъ былъ здѣшнимъ греческимъ училищемъ. Освѣдомившись о его небольшомъ книгохранилищѣ, я осмотрѣлъ его и нашелъ въ немъ нѣсколько весьма цѣнныхъ книгъ по отдѣламъ богословскому, классическому, историческому и литературному въ старинныхъ изданіяхъ XVI и XVII вѣковъ.... Я вошелъ съ представленіемъ къ г. попечителю Кіевскаго учебнаго округа о перемѣщеніи болѣе цѣнныхъ книгъ изъ греческаго училища въ институтскую библіотеку, на что и получилъ разрѣшеніе. Таковъ библіотечный матеріалъ. Правда, онъ оказывается недостаточно приспособленнымъ къ цѣлямъ и потребностямъ Института; но нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ можетъ послужить солиднымъ основаніемъ для будущихъ приращеній,... и Институтъ имѣетъ полную возможность въ непродолжительномъ времени восполнить всѣ важнѣйшіе пробѣлы и своевременно удовлетворить и учащихъ и учащихся.

„Наиболѣе трудная и важная задача, рѣшеніе которой необходимо было къ открытію Института, состояла въ образованіи состава преподавателей и наставниковъ. Его сіятельству г. министру народнаго просвѣщенія угодно было привлечь меня къ участію въ рѣшеніи этой важной задачи, и послѣ продолжительныхъ, иногда сложныхъ, сношеній образовался на первые два года достаточно полный составъ присутствующихъ здѣсь преподавателей и наставниковъ, готовыхъ приступить къ трудной, но благодарной дѣятельности по образованію будущихъ наставниковъ русскаго юношества. Знакомый съ каждымъ изъ нихъ лично, а также съ предшествовавшею ихъ ученою и педагогическою дѣятельностью, я смѣло позволяю себѣ выразить увѣренность, что ими будетъ сдѣлано для общаго дѣла, къ которому они призваны, все, что въ предѣлахъ человѣческихъ силъ.

„Назначеніе гимназіи, имѣющей составить съ Институтомъ одно органическое цѣлое и служить цѣлямъ Института по рѣшенію одной изъ важнѣйшихъ задачъ его, по приготовленію будущихъ наставниковъ къ ихъ призванію посредствомъ упражненій въ практическомъ преподаваніи,—само собою возвышаетъ ее до значенія и характера образцовой гимназіи. Понятно, что она же налагала на меня непремѣнную обязанность обратить на нее особенное вниманіе, съ цѣлью постепеннаго ея подготовленія къ ожидающему ее новому положенію. Дѣйствительно, втеченіе пяти мѣсяцевъ она была для меня предметомъ непрерывныхъ наблюденій и въ составѣ учащихъ, и въ составѣ учащихся. Наблюденія эти и усвоенное общее впечатлѣніе для меня дороги, такъ какъ они

доставили возможность вполнѣ сознательно относиться къ ея нуждамъ и интересамъ, а также и къ тѣмъ ея сторонамъ, которыя могутъ нуждаться въ исправленіи..... Конечно, ничто такъ не нуждается въ умѣренномъ и осторожномъ образѣ дѣйствій, какъ учебное дѣло; обратный образъ дѣйствій можетъ только принести вредъ ему, и успѣхъ его зависитъ отъ суммы безконечно-разнообразныхъ условій.... Вынесенное мною общее впечатлѣніе дорого для меня и потому, что я могу быть вполнѣ сознательнымъ помощникомъ новому непосредственному начальнику гимназіи, завѣдывающему ею.... Іюля 4 дня сего года Высочайше утверждено постановленіе, чрезвычайно важное для Нѣжинской гимназіи; это—постановленіе о привлеченіи, въ качествѣ стипендіатовъ, лучшихъ учениковъ другихъ гимназій въ старшіе классы гимназіи Нѣжинской съ тѣмъ, чтобы они, по окончаніи гимназіи, поступали въ Институтъ..... Если въ понятіе о гимназіи при историко-филологическомъ институтѣ и помимо этого постановленія необходимо заключается понятіе объ образцовой гимназіи, какъ служащей цѣлямъ Института, какъ доставляющей матеріалъ для спеціальнаго приготовленія студентовъ къ ихъ будущему призванію посредствомъ опытовъ въ практическомъ преподаваніи: то въ силу новаго постановленія она становится образцовою въ полномъ и обширномъ значеніи этого слова, какъ всецѣло входящая въ цѣли и задачи Института, какъ приготовительная для него школа; отъ ея успѣховъ будутъ зависѣть и успѣхи Института".

„Отъ успѣховъ гимназіи будутъ зависѣть успѣхи Института"— этими словами Н. А. закончилъ актовую рѣчь 14 сентября 1875 года. Контекстъ, въ которомъ слова эти были произнесены, придаетъ имъ такой смыслъ, что чѣмъ лучше будутъ подготовлены гимназическіе стипендіаты, эти студенты Института in spe, тѣмъ лучше пойдутъ занятія въ самомъ Институтѣ. Въ дѣйствительности же гимназическіе стипендіаты составляли небольшой, а въ настоящее время составляютъ еще меньшій процентъ въ общемъ составѣ институтскихъ студентовъ, а потому можно было разсчитывать лишь на благотворное *вліяніе* вышедшихъ изъ образцовой гимназіи и болѣе подготовленныхъ студентовъ на ихъ товарищей. Такимъ образомъ, слова Н. А-ча не нашли себѣ полнаго примѣненія въ дѣйствительности; зато они получили другое, столь же важное, если не *болье* еще глубокое значеніе: студентъ Института—говорилъ онъ часто и этой мысли и держался во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ гимназіи—долженъ воочью видѣть то лучшее, что можетъ создать гимназія какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ

воспитаніи; тогда онъ пойметъ, къ чему его ведутъ, и будетъ въ самомъ Институтѣ работать надъ собою. чтобы сдѣлаться способнымъ *тоже* созидать это лучшее, когда его самого призовутъ къ дѣлу, и такъ какъ учитель-воспитатель, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ его дѣятельности, является прежде всего подражателемъ, то умственная и нравственная высота воспитанниковъ институтской гимназіи должна оказать плодотворнѣйшее вліяніе на студентовъ Института не только во время ихъ пребыванія въ немъ, но и въ той служебной ихъ дѣятельности, для которой они предназначаются.

Николай Алексѣевичъ, въ первые годы, пока это было возможно и Институтъ не имѣлъ еще всѣхъ курсовъ, приглашалъ наставниковъ Института къ преподаванію въ гимназіи, самъ же бдительно слѣдилъ за гимназіею. Пишущій настоящія строки первые два года существованія Института давалъ уроки въ гимназіи, впослѣдствіи же замѣнялъ временно, въ руководствѣ пробными уроками студентовъ въ гимназіи, одного изъ наставниковъ-руководителей по случаю его болѣе продолжительной болѣзни, а потому былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ дѣятельности Н. А-ча по гимназіи. Н. А. не только лично руководилъ почти всѣми засѣданіями педагогическаго совѣта, онъ часто бывалъ и на самихъ урокахъ и послѣ урока дѣлился съ преподавателемъ своими впечатлѣніями, всегда прямо, ничего не скрывая, но всегда въ деликатной формѣ, давая высказаться и преподавателю и переводя бесѣду на общую теоретическую почву, на которой внушалъ довѣріе къ своему авторитету. Въ этихъ бесѣдахъ съ Н. А-чемъ обсуждались всевозможные вопросы, касавшіеся не только преподаваемаго предмета, но и отношенія къ преподаваемому какъ всего класса, такъ и отдѣльныхъ воспитанниковъ. Говорить, что Н. А. зналъ внутренній складъ гимназистовъ всѣхъ до единаго, было бы большою гиперболою, ибо это—не въ силахъ одного человѣка; но что изученіе воспитанника онъ считалъ первымъ условіемъ правильнаго его воспитанія, что въ этомъ отношеніи онъ шелъ впереди всѣхъ преподавателей, что онъ не пропускалъ ни одного случая, который давалъ ему возможность понять ученика, это скажетъ всякій, кто зналъ Н. А-ча. Для того, чтобы повліять на ученика, Н. А. располагалъ настоящими средствами. Платонъ въ своемъ Горгіи говоритъ, что для этого нужны ἐπιστήμη, εὔνοια и παρρησία, т. е. пониманіе, чего̀ слѣдуетъ добиваться у воспитываемаго, расположеніе и любовь къ воспитываемому и прямота и откровенность, называющая вещи и явленія ихъ именами. Всѣми этими качествами обладалъ Н. А. въ совершенствѣ. Приходя въ гимна-

зическій классъ, онъ обращался то къ классу, то къ отдѣльнымъ ученикамъ по разнообразнѣйшимъ дѣламъ, по которымъ можно было ему, какъ начальнику, поддержать школу и учителя. Въ обращеніяхъ къ воспитанникамъ онъ никогда не ссылался на служебные доклады другихъ, а всегда дѣйствовалъ *отъ себя*, на основаніи *своихъ* наблюденій. Обыкновенно измѣряютъ отношенія учителя къ ученику терминами: непониманіе, индифферентизмъ, слабость, популярничаніе, неровность, меньшая или большая требовательность, строгость, прицирчивость. Вся эта гамма, въ частности же высшія ея ступени — не имѣютъ къ Н. А-чу никакого отношенія; Н. А былъ просто убѣжденный, и при томъ энергичный воспитатель въ *душѣ*, наблюдавшій за воспитываемыми, изучавшій ихъ и раскрывавшій свою душу тамъ, гдѣ это находилъ нужнымъ и гдѣ скрывать ее считалъ для дѣла вреднымъ. Н. А. дѣйствовалъ прежде всего *убѣжденіемъ*: вы—говаривалъ онъ воспитаннику или воспитанникамъ—поступаете такъ то; это нехорошо; вы не понимаете дѣла; вы должны его понять вотъ какъ; понявши его, вы будете и дѣйствовать иначе; поняли ли вы *меня?*—надѣюсь. вы и приведете въ согласіе ваши дѣйствія съ тѣмъ, что вы слышали теперь, и я самъ буду слѣдить за вами въ выясненномъ мною направленіи и буду просить о томъ же преподавателя или преподавателей. Черезъ такое отношеніе къ дѣлу Н. А. развилъ въ воспитанникахъ ту высокую моральную связь, которая такъ нужна для правильнаго воспитанія, развилъ ее не только по отношенію къ себѣ, но и по отношенію къ своимъ непосредственнымъ помощникамъ. Наблюденія производились имъ по большей части безъ всякаго непосредственнаго къ нимъ повода; въ иныхъ случаяхъ, конечно, они были вызываемы и служебными докладами и, вообще, дѣловыми бесѣдами, которыя онъ такъ любилъ и къ которымъ такъ поощрялъ. До чего Н. А. былъ погруженъ въ дѣло, которому служилъ, до чего самъ находилъ въ немъ глубокій интересъ и предполагалъ его у другихъ, видно было изъ того, что онъ всегда помнилъ все, что, когда и съ кѣмъ говорилъ, и въ своихъ бесѣдахъ съ тѣмъ или инымъ изъ подчиненныхъ всегда какъ разъ начиналъ съ того, на чемъ остановился въ прежнемъ своемъ разговорѣ, какъ бы ни былъ продолжителенъ промежутокъ между обоими разговорами. За исключеніемъ очень рѣдкихъ случаевъ, когда дѣло шло о служебныхъ замѣчаніяхъ, бесѣды велись всегда открыто, притомъ добродушно и, какъ раньше сказано, на общей теоретической почвѣ, такъ что въ бесѣдѣ могъ принять участіе всякій присутствующій, хотя бы она даже не касалась его непосредственно. Добродушіе Н. А-ча

никогда не переходило въ такъ называемое фамильярничаніе; у него оно прекрасно мирилось съ сознаніемъ начальническаго положенія и никогда не мѣшало ему при самыхъ добрыхъ отношеніяхъ высказывать и горькія истины, когда это понадобится; всякій чувствовалъ, что онъ, при своей наблюдательности, способенъ быть настоящимъ цѣнителемъ характера, труда и таланта. Всѣ эти качества въ совокупности помогали Н. А-чу держать товарищескія отношенія сослуживцевъ на надлежащей высотѣ и парализовать, между прочимъ, и возможность партій и интригъ, которыя такъ опасны для дѣла и которыхъ въ концѣ концовъ не всегда легко избѣжать въ провинціальномъ городѣ при однообразіи и ограниченности круга дѣятельности, при сосредоточенности интересовъ въ этомъ тѣсномъ кругѣ безъ достаточно сильнаго отвлеченія ихъ въ сторону. Мало того; черезъ эти качества и черезъ этотъ образъ дѣйствій Н. А. достигалъ полнаго объединенія, въ цѣляхъ службы, преподавательскихъ силъ. Въ упомянутыхъ мною дѣловыхъ бесѣдахъ вовсе не вырабатывались какія нибудь „постановленія“, обязательныя для кого бы то ни было; Н. А. всегда держался того взгляда, что каждый долженъ вносить въ дѣло *свое* пониманіе и выступать въ немъ какъ *личность*: лишь бы не было—говаривалъ онъ—въ нашей дѣятельности ничего отрицательнаго, а положительное каждый выработаетъ самъ. Въ силу такого взгляда Н. А-ча на дѣятельность преподавателя, самое объединеніе преподавательскихъ силъ нужно понимать лишь въ томъ смыслѣ, что при Н. А-чѣ, благодаря его веденію дѣловыхъ бесѣдъ, всякій зналъ, что и какъ дѣлается его товарищемъ, и этого одного, при усердіи къ дѣлу и при настоящихъ товарищескихъ отношеніяхъ, вполнѣ достаточно для развитія того единства, въ которомъ такъ нуждается школа. Обладая драгоцѣннымъ даромъ отгадывать людей, онъ умѣлъ и распредѣлять роли; всякій—говаривалъ онъ—хорошъ лишь на своемъ мѣстѣ.

До чего Н. А. интересовался въ частности гимназическимъ дѣломъ, видно также изъ того, что онъ забиралъ къ себѣ на домъ и тщательно просматривалъ не тлько записи посѣщавшихъ гимназическія квартиры и разные другіе гимназическіе журналы, но даже ученическія письменныя работы, на которыхъ такъ настаивалъ. Ученики часто получали назадъ свои письменныя работы съ помѣтками не только преподавателя, но и Н. А-ча;тогда они такъ и знали, что директоръ Института придетъ въ классъ, вынетъ свою записную книжку и будетъ—кого хвалить, кого поощрять, а кого и по отечески «отчитывать». Особенно налегалъ Н. А. на стипендіатовъ, какъ на болѣе способныхъ, поощряя ихъ, кромѣ обще-

обязательныхъ работъ, къ особому домашнему чтенію, по преимуществу по классическимъ языкамъ. Подъ его руководствомъ гимназія скоро сдѣлалась дѣйствительно „образцовою“. Помню случай, когда Н. А. вмѣстѣ съ г. попечителемъ округа, нынѣ покойнымъ П. А. Антоновичемъ (тогда онъ пріѣхалъ въ Нѣжинъ неожиданно) два часа подрядъ просидѣли въ 8-мъ классѣ на урокахъ древнихъ языковъ и съ восторгомъ слушали бойкіе, вполнѣ сознательные отвѣты учениковъ по анализу содержанія очереднаго отрывка изъ сочиненія Цицерона de officiis и передачу бѣлыми стихами большаго, бывшаго на очереди, отрывка изъ Антигоны Софокла. Изъ 8-го класса они затѣмъ перешли въ другой изъ старшихъ классовъ на урокъ математики и нашли тамъ, какъ мнѣ было потомъ сообщено, въ разсужденіяхъ учениковъ ту же бойкость и то же развитіе. Что касается экзамена зрѣлости, то мнѣ лично приходилось присутствовать на испытаніяхъ по древнимъ языкамъ и по математикѣ. Могу засвидѣтельствовать, что ученики безъ затрудненій справлялись съ болѣе легкими декламаціонными отрывками изъ трагедій Софокла и не требующими сложнаго реальнаго комментарія одами Горація; въ отвѣтахъ по математикѣ ученики также обнаруживали прекрасное развитіе, хотя нельзя сказать, чтобы въ анализѣ они были слишкомъ сильны: недостаточное развитіе аналитическаго метода при изученіи математики, какъ извѣстно, вообще составляетъ слабую сторону нашей средней школы.

Останавливаться ли намъ на дѣятельности Н. А-ча, какъ предсѣдателя соединеннаго, то-есть институтскаго вмѣстѣ съ гимназическимъ, правленія? Этого требуетъ полнота обрисовки его службы въ Институтѣ. Институтъ вмѣстѣ съ гимназіею унаслѣдовали отъ Лицея главное, давно не ремонтированное, по недостатку средствъ, зданіе—двухъ-этажное въ средней части (съ колонадою во фронтѣ) и трехъ-этажное по сторонамъ. Кромѣ того имѣлись каменный флигель, въ которомъ при Лицеѣ послѣдніе годы помѣщались инспекторъ Лицея и чины канцеляріи, и небольшая постройка, служившая при Лицеѣ банею. Легко понять, сколько хлопотъ стоило Н. А-чу какъ положить начало интернату со всею его внутреннею хозяйственною обстановкою, такъ и выполнить всевозможныя постройки, надстройки, пристройки и перестройки, необходимыя для приспособленія зданія и всей усадьбы къ цѣлямъ Института: нужно было устроить не только помѣщеніе для цѣлой сотни интерновъ-студентовъ, но и, по мысли Н. А-ча, профессорскія квартиры. Какъ сказано выше, Институтъ открывался постепенно, курсъ за курсомъ, но бюджетъ отпускался Институту съ самаго начала полный. Кромѣ того Институтъ

располагалъ: 1) 50590 рублями, ассигнованными ему единовременно изъ государственнаго казначейства; 2) 38700 руб., ассигнованными изъ остатковъ по финансовымъ смѣтамъ министерства народнаго просвѣщенія за 1875 и 1876 годы, а 3) нѣкоторое время и процентами съ капитала въ 10500 рублей, пожертвованными собственно Лицею князя Безбородко княгинею Е. И. Суворовой-Рымникской, вдовою графа Николая Александровича Кушелева-Безбородко. Пришлось надстраивать надъ серединою главнаго зданія 3-й этажъ, въ уровень трехъ-этажнымъ крыльямъ, черезъ что получилось 10 прекраснѣйшихъ студенческихъ камеръ и большая рекреаціонная зала для студентовъ; пришлось перестраивать другія помѣщенія въ главномъ зданіи для аудиторій и дортуаровъ; расширялась баня, строились: студенческая больница, всевозможныя службы и, наконецъ, флигеля для профессорскихъ квартиръ, для которыхъ бывшій почетный попечитель графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, по ходатайству Н. А-ча, уступилъ часть графскаго сада, примыкающую къ усадьбѣ институтской. Но этимъ не ограничились хлопоты Н. А-ча. Ему пришлось много потрудиться надъ переучиваніемъ канцеляріи. Добрый человѣкъ, Н. А. не хотѣлъ смѣнять Лицейскаго состава канцеляріи, а предпочелъ, пополнивъ штатъ однимъ лишь лицомъ, секретаремъ правленія, тѣсно примкнуть къ наличнымъ силамъ, изучить ихъ и въ нихъ открыть средства для достиженія новыхъ задачъ. Трудно было канцеляріи привыкнуть къ новому дѣлопроизводству; послѣднее должно было казаться ей очень сложнымъ не только по несравненно большему разнообразію дѣлъ, но также по своему характеру, такъ какъ прежній Лицей, содержимый на пожертвованныя суммы (14000 руб. ежегодно) и имѣвшій въ уѣздномъ казначействѣ свой ящикъ, велъ хозяйство по болѣе упрощеннымъ формамъ и совершенно иначе. Нельзя сказать, чтобы всѣ служащіе канцеляріи отплатили Н. А-чу вѣрностью въ службѣ, и Н. А. въ концѣ концовъ былъ вынужденъ подновить составъ канцеляріи.—Когда въ канцеляріи дѣло было налажено и переустройство Института съ хозяйственной стороны было закончено, то Н. А-чу оставалось лишь поддерживать то, что имъ было создано. Въ канцеляріи, конечно, онъ бывалъ ежедневно, слѣдя за ходомъ занятій тамъ и дѣлая распоряженія по текущимъ дѣламъ (въ институтскомъ архивѣ имѣется масса лично имъ составленныхъ набросковъ), но кромѣ того онъ находилъ нужнымъ ежедневно, всегда по утрамъ, еще до лекцій,—а лекціи начинаются съ $8^1/_2$ часовъ,—дѣлать хозяйственный обходъ по главному зданію, отдавая приказанія, въ случаѣ надобности, сопровождавшему его при-

кащику, то есть, помощнику эконома: старика эконома, дослуживавшаго пятидесятилѣтіе по службѣ, онъ щадилъ. Въ общемъ же, въ хозяйственныхъ дѣлахъ былъ Николай Алексѣевичъ, какъ и понятно, строгимъ, что называется, формалистомъ.

Весьма энергично Н. А. принялся за пополненіе институтской библіотеки. Располагая еще процентами съ капитала княгини Суворовой-Рымникской, конференція, по предложенію Н. А-ча, въ первые два года существованія Института, пріобрѣла двѣ капитальныхъ библіотеки: одну—покойнаго профессора Московскаго университета С. П. Шевырева (3815 названій въ 7359 томахъ за 5000 рублей), а другую—покойнаго профессора Лейпцигскаго университета, извѣстнаго классика Ричля (3096 названій въ 4930 томахъ за 7650 рублей). Библіотека Шевырева заинтересовала Н. А-ча и конференцію обиліемъ книгъ по всеобщей литературѣ и исторіи искусства и полнымъ (до 50-тыхъ годовъ) собраніемъ сочиненій по русской словесности; библіотека Ричля дала Институту всѣ болѣе выдающіяся изданія по классической филологіи, начиная съ Aldina и кончая временемъ самого Ричля; главные филологическіе журналы также оказались въ ней налицо, и притомъ, какъ и вся библіотека, въ самомъ исправномъ видѣ, то-есть безъ дефектовъ и въ прочныхъ переплетахъ. Не слѣдуетъ, кажется, обходить молчаніемъ пріобрѣтеніе Н. А-чемъ для библіотеки Института, на тѣ же средства, 24-хъ писемъ Гоголя, принадлежавшихъ вдовѣ профессора г-жѣ Максимовичъ,—пріобрѣтеніе, цѣнное не по стоимости, а по тому интересу, который имѣетъ для Института литературное наслѣдіе Гоголя, ученика Гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко, предшественницы Лицея[1]). Кромѣ того ежегодно, по выясненіи остатковъ отъ штатныхъ институтскихъ суммъ, Н. А., рѣшая вопросъ объ употребленіи ихъ на нужды Института, всегда на первомъ мѣстѣ ставилъ пріобрѣтеніе книгъ, черезъ что получалась значительная прибавка къ ежегодному бюджету въ 2600 рублей, положенному на библіотеку по штату. Бывало, кончается октябрь мѣсяцъ, и Н. А. уже объявляетъ въ конференціи о такомъ то остаткѣ, могущемъ быть

[1]) Это пріобрѣтеніе служитъ прекраснѣйшимъ пополненіемъ пожертвованія, сдѣланнаго еще въ пользу Лицея почетнымъ попечителемъ названнаго заведенія графомъ Григоріемъ Александровичемъ Кушелевымъ-Безбородко: я разумѣю подлинныя рукописи Гоголя, а именно: «Мертвыхъ душъ» (перваго тома, въ первоначальномъ его видѣ), «Тараса Бульбы», «Портрета» (обѣ въ исправленномъ видѣ), «Игроковъ», «Тяжбы», «Лакейской», «Театральнаго разъѣзда», а также 32 подлинныя письма Гоголя къ Н. Я. Прокоповичу.

употребленнымъ на книги; начинается составленіе списковъ сочиненій всѣми преподавателями и самимъ директоромъ, дѣлается тщательный окончательный выборъ и въ концѣ декабря библіотека получаетъ сразу крупное приращеніе. Довольно сказать, что къ 30 августа 1875 года въ библіотечномъ инвентарѣ значилось 4034 названія въ 12152 томахъ, а въ годъ выбытія Н. А-ча изъ Нѣжина, то-есть, черезъ семь лѣтъ, числилось въ библіотекѣ: 16475 названій въ 38622 томахъ. Послѣ выбытія Н. А-ча изъ Нѣжина библіотека уже не могла разсчитывать на остатки отъ штатныхъ суммъ, по крайней мѣрѣ, не въ такихъ размѣрахъ, какъ это было при немъ, и за всѣ остальные 18 лѣтъ существованія Института получилось въ ней приращеній — 5963 названія въ 15806 томахъ: къ 1-му января 1900 года въ библіотекѣ числилось книгъ: 22438 названій въ 54428 томахъ. Вообще же можно сказать, что при Н. А-чѣ или, вѣрнѣе, *благодаря* Н. А-чу и *его* заботамъ, библіотека вполнѣ приведена была въ то состояніе, о которомъ онъ мечталъ съ самаго начала своей дѣятельности въ Институтѣ: при этомъ ея состояніи, штатной суммы въ 2600 рублей вполнѣ достаточно для пополненія ея новыми изданіями и для пріобрѣтенія старыхъ, если гдѣ, по ходу занятій учащихъ и учащихся, ощущается пробѣлъ. Нѣжинскій Институтъ, находящійся вдали отъ ученыхъ центровъ, нуждается въ обширной и благоустроенной библіотекѣ гораздо больше, чѣмъ однородный съ нимъ по цѣлямъ и устройству Институтъ С.-Петербургскій, который, находясь въ столицѣ, имѣетъ возможность пользоваться и другими научно обставленными книгохранилищами. Благоустройство библіотеки, конечно, обусловлено не только широкимъ подборомъ правильно каталогизированныхъ книгъ, но и удовлетворительною полнотою состава служащихъ въ ней. Штатъ Нѣжинскаго Института представляетъ собою копію штата Института С.-Петербургскаго. Рамки этого штата не позволяютъ имѣть болѣе сложнаго состава служащихъ въ библіотекѣ: есть библіотекарь, избираемый конференціею изъ профессоровъ или преподавателей Института и получающій за свои труды 200 рублей въ годъ добавочныхъ къ своему содержанію по преподавательской службѣ[1]); въ его распоряженіе дается Правленіемъ одинъ изъ старшихъ служителей. Н. А. еще въ 1876 г.

[1]) Онъ же былъ нѣкоторое время и кустосомъ картинной галлереи. Картинная галлерея (175 картинъ, принадлежащихъ различнымъ школамъ живописи: итальянской, испанской, французской, нѣмецкой, фламандской и русской) подарена была еще Лицею почетнымъ попечителемъ графомъ Александромъ Григорьевичемъ Кушелевымъ Безбородко и описана въ XV томѣ «Извѣстій Института» художникомъ О. Г.

ходатайствовалъ объ учрежденіи при Институтѣ штатной должности библіотекаря, съ окладомъ по 800 рублей въ годъ и казенною квартирою, съ правами службы по учебному вѣдомству, но ходатайство это было отклонено, такъ какъ удовлетвореніе его потребовало бы увеличенія общаго штата Института. Въ силу изложеннаго положенія институтской библіотеки, болѣе сложныя занятія, непосильныя для одного преподавателя, приходится принимать на себя библіотечной коммиссіи. При Н. А-чѣ работа библіотечной коммиссіи кипѣла. Сначала въ библіотечную коммиссію былъ допускаемъ всякій, кто только пожелалъ, а пожелали всѣ. Кипы книгъ, получаемыя постоянно съ разныхъ сторонъ, приходилось записывать въ инвентарь, размѣщать по шкапамъ, переписывать на карточки, и квартира почетнаго попечителя, въ которой временно помѣщалась библіотека, съ утра до вечера была открыта для всякаго „члена коммиссіи“, когда онъ находилъ время продолжать библіотечную работу съ того мѣста, на которомъ предшествовавшій ему товарищъ остановился. Такимъ, и притомъ ревностнымъ, „членомъ коммиссіи“ былъ самъ Николай Алексѣевичъ, считавшій для себя обязательнымъ во всякомъ общемъ дѣлѣ принимать долю труда и на себя: въ библіотечныхъ инвентаряхъ можно встрѣтить массу записей, сдѣланныхъ рукою Н. А-ча.—Когда первая горячка прошла, когда книгъ стало получаться меньше, когда библіотека была перенесена изъ квартиры почетнаго попечителя въ сѣверное крыло второго этажа главнаго зданія[1]), тогда составъ библіотечной коммиссіи съузился. Пришлось еще разъ провѣрить всѣ записи, обревизовать библіотеку и составить систематическій каталогъ для напечатанія; Н. А. и въ составленіи систематическаго каталога принималъ участіе.

Во всемъ, созданномъ Н. А-чемъ по гимназіи, по Правленію, по библіотекѣ, имѣлась, конечно, въ виду польза тѣхъ, для кого Институтъ былъ открытъ,—я разумѣю студентовъ,—но непосредственнымъ объектомъ въ этой его дѣятельности сами студенты еще не выступаютъ. Какъ же, спра-

---

Турцевичемъ. Тотъ же почетный попечитель пожертвовалъ Лицею и мюнцъ-кабинетъ, унаслѣдованный также Институтомъ и состоящій изъ 4500 нумеровъ монетъ и медалей.

[1]) Прежде тамъ помѣщались канцелярія и параллельные классы гимназіи. Но канцелярія была перемѣщена въ прежнюю студенческую больницу (новая больница къ этому времени уже была выстроена), что же касается параллельныхъ классовъ, то гимназія въ нихъ больше не нуждалась: послѣ открытія новыхъ учебныхъ заведеній въ Лубнахъ, Глуховѣ, Прилукахъ, Суражѣ число поступающихъ въ низшіе классы Нѣжинской гимназіи постепенно уменьшалось.

шивается, Н. А. рѣшалъ задачу, имѣющую непосредственное отношеніе къ нимъ, къ студентамъ?

Въ дѣлѣ наблюденія за студентами ближайшими помощниками начальнику заведенія являются, согласно уставу, инспекторъ (одинъ изъ профессоровъ) и наставники студентовъ, дежурящіе поочередно. Для установленія правильныхъ отношеній между дежурными наставниками и студентами Николай Алексѣевичъ говаривалъ студентамъ: „дежурные наставники—ваши старшіе товарищи: молодые люди, интересующіеся наукою, они могутъ быть вамъ полезны въ вашихъ домашнихъ занятіяхъ и, служа вамъ примѣромъ поведенія, предъявляютъ въ этомъ смыслѣ требованія и къ вамъ". Для того, чтобы наставники имѣли больше вліянія на студентовъ, Н. А. сталъ привлекать ихъ къ преподаванію того или иного курса, смотря по ихъ спеціальностямъ, другими словами, съ должностью наставника соединялась и соединяется, по возможности, должность преподавателя. Пишущему настоящія строки приходилось служить первые три года существованія Института дежурнымъ наставникомъ. Н. А., можно сказать, соединялъ въ своей дѣятельности должность директора съ должностью инспектора. Въ мои дежурные дни,—то же было и у другого моего товарища (первый годъ насъ было двое, а впослѣдствіи полный штатъ, то есть трое),—было рѣдкостью, чтобы Н. А. не присутствовалъ на утренней молитвѣ студентовъ (въ студенческой столовой, передъ утреннимъ чаемъ), на обѣдѣ, а затѣмъ и на ужинѣ и слѣдовавшей тутъ же, въ столовой, вечерней молитвѣ. Кромѣ того, если не мѣшало какое нибудь засѣданіе, Н. А. приходилъ къ студентамъ по вечерамъ, во время ихъ домашнихъ занятій (въ будничные дни студенты обязываются правилами быть съ 6-ти часовъ дома). Бывало, въ 7 или $7^1/_2$ часовъ Н. А. является въ дежурную комнату, и первый его вопросъ, всѣ ли студенты дома; затѣмъ проходитъ по камерамъ[1]), по аудиторіямъ, гдѣ также разрѣшалось и разрѣшается заниматься студентамъ, и студенты такъ и знаютъ, что въ это время можно подойти къ Н. А-чу, если у кого изъ нихъ есть какое нибудь недоумѣніе. Н. А. систематически слѣдилъ за тѣмъ, чтобы студенты занимались непосредственнымъ своимъ дѣломъ, и во время обхода камеръ давалъ, если находилъ нужнымъ, наставленія, какъ имъ заниматься; особенно любилъ онъ останавливаться у студента, занимавшагося

[1]) Меньшія камеры помѣщаютъ въ себѣ 6—8, а большія 10—12 человѣкъ студентовъ; всего камеръ одиннадцать.

составленіемъ какого-нибудь реферата по тому или иному предмету, освѣдомляясь о пособіяхъ, къ какимъ студентъ прибѣгаетъ, и о томъ, какъ студентъ ими пользуется. Если студентъ или „камера“ жалуется, что трудно справиться съ работою, то его обыкновеннымъ отвѣтомъ было: „я, господа, былъ тоже студентомъ и знаю, чего можно требовать и чего нельзя; все опредѣляется степенью вашего интереса: если вы интересуетесь дѣломъ, то найдете для него и время, а въ противномъ случаѣ вамъ никакія мѣры не помогутъ; впрочемъ. занимайтесь, а тамъ увидимъ“. Студенты этимъ отвѣтомъ удовлетворялись, такъ какъ знали, что несерьезности жалобы Н. А. не допуститъ, а для того, чтобы взвѣсить степень ея серьезности, онъ имѣетъ въ рукахъ всѣ средства, какими только можетъ располагать человѣкъ наблюдающій, понимающій и добивающійся правильности занятій, какимъ былъ Николай Алексѣевичъ. Иногда, во время обхода камеръ, Н. А. находилъ нужнымъ поговорить со студентомъ и о его поведеніи; не пропуская ни одного случая, не мирившагося въ этомъ отношеніи съ общимъ направленіемъ, Н. А. всегда рѣшалъ вопросъ, поговорить ли объ этомъ случаѣ со студентомъ при встрѣчѣ, или наединѣ, для чего студентъ призывался къ нему на квартиру, или воспользоваться самимъ случаемъ, какъ предметомъ бесѣды со *всѣми* студентами. Студенты при Н. А-чѣ были пріучены къ conciones, какъ они ихъ называли. Эти conciones Н. А. устраивалъ обыкновенно утромъ, еще передъ лекціями, послѣ своего хозяйственнаго обхода; иногда это дѣлалось и въ столовой: разъясненіе случая, освѣщеніе его со стороны общенравственной, со стороны порядковъ общежитія, со стороны выработки характера будущаго учителя, а также обращеніе къ студентамъ съ указаніемъ на то, что болѣе сильные волею должны вліять на болѣе слабыхъ и вообще поддерживать истинный, а не ложный, товарищескій духъ,—вотъ что было обыкновенно содержаніемъ этихъ conciones. Не обходилось и безъ того, чтобы спокойный Н. А. не взволновался, и тогда онъ дѣлался грознымъ; но студенты знали, что гроза скоро пройдетъ, что волненіе его есть волненіе отца, безпокоящагося за своихъ дѣтей и, любя его, какъ отца, старались поскорѣе загладить то, что его взволновало.—Послѣ вечерней молитвы Н. А. иногда подолгу оставался въ столовой, и тутъ то дежурный наставникъ дѣлился съ нимъ своими впечатлѣніями, вынесенными имъ за день—какъ отъ общаго наблюденія, такъ и отъ занятій съ тѣмъ или инымъ студентомъ. Н. А. дорожилъ этими бесѣдами; въ студентѣ онъ искалъ, конечно, будущаго учителя, но прежде всего хорошо направленнаго человѣка,

такъ какъ послѣднимъ обусловливается первое. Иногда и произносилась имъ фраза: сомнѣваюсь, что изъ такого то выработается учитель. Разъ у него такое убѣжденіе сложилось,—а слагалось оно очень медленно и взвѣшивались всѣ обстоятельства,—то, конечно, приходилось студенту ждать, какъ тогда студенты выражались, „командировки за границу“, то-есть, выхода изъ Института.—Въ ежедневную программу труда Н. А-ча входило и посѣщеніе больницы. Внѣ больницы студентъ не освобождается ни отъ одной изъ своихъ обязанностей по отношенію къ Институту, а въ больницу, конечно, поступаютъ лишь дѣйствительно больные. Слѣдя за этимъ, Н. А., однако, допускалъ и такія обращенія къ нему: »позвольте мнѣ денька два или три отдохнуть; я заработался слишкомъ и чувствую себя утомленнымъ«; „я этому вѣрю—отвѣчаетъ Н. А.—и вижу это; отдыхайте, отдыхайте“. Продолженіе разговора слѣдуетъ по истеченіи назначеннаго себѣ студентомъ срока. „Ну, чтожъ,—говоритъ Н. А.,—отдохнули? пора вамъ приняться опять за работу“. „Да, пора“—отвѣчаетъ студентъ и перебирается въ студенческое общежитіе.—Отъ времени до времени устраивались педагогическія совѣщанія подъ предсѣдательствомъ Н. А-ча, съ участіемъ инспектора и дежурныхъ наставниковъ: разбирались, конечно, записи дежурныхъ наставниковъ по кондуиту студентовъ, дѣлались постановленія, но, что главное,—устанавливались характеристики отдѣльныхъ лицъ, въ каковомъ дѣлѣ главное слово принадлежало Н. А-чу, имѣвшему громадный опытъ въ пониманіи людей и располагавшему громаднымъ матеріаломъ изъ своихъ собственныхъ наблюденій. До чего Н. А. интересовался послѣднею частью программы педагогическихъ совѣщаній, до чего онъ всюду искалъ прежде всего людей, видно было изъ того, что онъ часто по окончаніи засѣданій говорилъ: благодарю васъ, господа, за ваше участіе; эти совѣщанія для меня—самое дорогое дѣло.—Не забывалъ Н. А. и о развлеченіяхъ студентовъ. Статья 7 протокола конференціи отъ 24 ноября 1875 года гласитъ: „г. директоръ Института заявилъ, что онъ, принимая во вниманіе мѣстныя условія города Нѣжина, считаетъ необходимымъ разнообразить жизнь студентовъ такими удовольствіями, которыя могли бы благотворно дѣйствовать на развитіе въ студентахъ эстетическаго чувства; признавая это заявленіе совершенно справедливымъ, конференція, согласно съ мнѣніемъ г-на директора, нашла полезнымъ для достиженія указанной цѣли устраивать отъ времени до времени музыкально-литературныя собранія.... и вмѣстѣ съ тѣмъ озаботиться предварительнымъ соображеніемъ и составленіемъ самихъ программъ занятій этого рода“.

Главныя дѣла, касающіяся непосредственно студентовъ, обсуждались, конечно, и должны обсуждаться, согласно уставу, не въ педагогическихъ совѣщаніяхъ, а въ конференціи. Въ засѣданія конференціи приглашались, Н. А.-чемъ, въ особенности въ первые годы, и наставники студентовъ, причемъ предоставленъ былъ имъ лишь совѣщательный голосъ, а не рѣшающій, такъ какъ право послѣдняго по уставу имѣютъ лишь дѣйствительные члены конференціи. Конференція дорожила сообщеніями наставниковъ, поставленныхъ столь близко къ студентамъ, а наставники дорожили ознакомленіемъ ихъ съ институтскими дѣлами, дававшимъ имъ возможность оріентироваться въ ихъ собственномъ кругѣ дѣйствій. Тамъ же, въ конференціи, они получали указанія—спеціально заняться съ тѣмъ или инымъ студентомъ, или съ тою или иною группою студентовъ; послѣднее практиковалось преимущественно по отношенію къ студентамъ, слабо подготовленнымъ по древнимъ языкамъ. Н. А. отличался умѣніемъ руководить засѣданіями. У него была привычка совершать свои послѣобѣденныя, изо дня въ день повторявшіяся, иногда довольно продолжительныя прогулки—въ дурную погоду подъ колонадою главнаго зданія, а когда погода позволяла,—въ большомъ палисадникѣ, передъ главнымъ зданіемъ, по длинной дорожкѣ, которая такъ и прозвана была директорскою дорожкою. Изъ институтскаго двора Н. А. выходилъ крайне рѣдко и часто въ шутку сравнивалъ себя съ улиткою, свертывающеюся въ своей раковинѣ въ дурную погоду и высовывающею рожки, когда погода позволяетъ. Любя людей, Н. А. радъ былъ встрѣтить на своихъ прогулкахъ всякаго; онъ рѣдко гулялъ одинъ; обыкновенно присоединялись къ нему и другіе. Бесѣды велись о разныхъ дѣлахъ, но больше всего о дѣлахъ учебнаго заведенія. Вырабатывая напередъ программу вопросовъ того или иного засѣданія, въ томъ числѣ и засѣданій конференціи, онъ тутъ же высказывался о подлежавшихъ рѣшенію вопросахъ, выслушивалъ другихъ, разсуждалъ, направлялъ, и когда дѣло дойдетъ до засѣданія, у него уже въ рукахъ все, что нужно для правильнаго руководства засѣданіемъ. Въ самомъ засѣданіи онъ часто открывалъ обсужденіе того или иного вопроса словами: „сколько мнѣ извѣстно, по данному вопросу существуютъ среди членовъ конференціи такія то мнѣнія“. Начинается изложеніе мнѣній, выслушиваются возраженія, противовозраженія, а Н. А. все это время не выпускаетъ изъ рукъ *центральной* точки—цѣлесообразности, совмѣстимости и удобоисполнимости какъ со стороны требующаго, такъ и со стороны того, къ кому требованіе предъявляется. Въ послѣднемъ отношеніи не разъ

приходилось слышать фразу: „приказать легко, но разъ мы приказываемъ, то должны требовать и точнаго исполненія, а если приказаніе не исполняется по его неудобоисполнимости, то теряетъ престижъ самое приказаніе, потеря же престижа есть начало дезордра; кромѣ того нельзя упускать изъ вида, что регламентировать каждый шагъ не приходится: нужно дать свободу и самоопредѣленію". Участіе въ обсужденіи вопросовъ принимали рѣшительно всѣ, или по крайней мѣрѣ всѣ тѣ, кого дѣло касалось непосредственно; о томъ, чтобы отдѣлываться отъ вопроса молчаніемъ, никто, конечно, и не думалъ, да это было бы и немыслимо: Н. А., желая, чтобы все, что дѣлалось въ Институтѣ, дѣлалось въ силу убѣжденія, а не въ силу распоряженія, строго держался Сократовскаго правила „говори, чтобы я тебя видѣлъ". Благодаря умѣнію Н. А-ча руководить засѣданіями, дѣла въ конференціи рѣшались быстро, а дѣлъ было много, особенно первое время, когда приходилось вырабатывать правила общежитія студентовъ и организовать ихъ занятія—какъ въ аудиторіяхъ, такъ и на дому—черезъ опредѣленіе учебныхъ предметовъ, черезъ распредѣленіе послѣднихъ по курсамъ, черезъ установленіе всевозможныхъ „собесѣдованій", „репетицій", „домашнихъ чтеній", курсовыхъ и разныхъ другихъ сочиненій, экзаменовъ и т. д. Отъ времени до времени разсматривались и обсуждались въ конференціи и протоколы гимназическаго педагогическаго совѣта, что помогало установить ту внутреннюю, органическую связь Института съ гимназіею, которую Н. А. поставилъ въ программу своей дѣятельности, и которая такъ нужна для преуспѣянія какъ Института, такъ и гимназіи. Засѣданія конференціи обыкновенно заканчивались слѣдующимъ обращеніемъ Н. А-ча къ коллегіи: „въ ближайшее время предстоитъ намъ рѣшеніе такихъ то вопросовъ, и я прошу покорнѣйше имѣть ихъ въ виду",—и опять начинаются бесѣды по этимъ вопросамъ, на директорской ли дорожкѣ, или гдѣ придется. Особенною заслугою Н. А-ча нужно считать исходатайствованіе имъ разрѣшенія издавать, на остатки отъ штатныхъ институтскихъ суммъ (въ самомъ штатѣ подходящей статьи нѣтъ), „Извѣстія Института". Протоколъ конференціи отъ 18 февраля 1876 г., ст. 1-я, гласитъ: „Въ видахъ усиленія научной дѣятельности Института, конференція признала полезнымъ издавать при Институтѣ періодическій сборникъ, подъ заглавіемъ такимъ то, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) содержаніе сборника будутъ составлять, согласно § 31 устава, отчеты и рѣчи, произносимыя въ ежегодныхъ торжественныхъ собраніяхъ Института, а также статьи преподавателей и наставниковъ Инсти-

тута по предметамъ историко-филологическихъ наукъ и лучшія сочиненія студентовъ; сборникъ будетъ давать у себя мѣсто и статьямъ, указаніямъ и замѣткамъ учебнаго характера, съ цѣлью содѣйствовать успѣхамъ преподаванія тѣхъ же предметовъ въ гимназіи".

Само собою разумѣется, что, какъ бы ни организовала конференція дѣятельность студентовъ, всегда центромъ этой организаціи будетъ: посѣщеніе студентами лекцій и дѣятельное участіе ихъ въ томъ, что происходитъ въ аудиторіи, а затѣмъ—переводныя и окончательныя испытанія. Въ аудиторіи они получаютъ толчекъ къ домашнимъ занятіямъ, тамъ опредѣляется направленіе этихъ занятій, туда они вносятъ и результаты своихъ занятій. Мы, преподаватели, видали Н. А-ча у себя въ аудиторіяхъ очень часто: помимо того, что онъ, не узкій спеціалистъ, самъ лично интересовался всѣмъ, что преподавали другіе[1]); помимо того, что онъ, при своемъ широкомъ образованіи и какъ педагогъ, всегда могъ дѣлиться и любилъ дѣлиться съ преподавателемъ своими мыслями и своимъ дидактическимъ опытомъ, чѣмъ не малую услугу оказывалъ преподавателямъ и тому дѣлу, которому они служили,—онъ главнымъ образомъ слѣдилъ въ аудиторіяхъ за студентами,—за ихъ усердіемъ и за ихъ воспріимчивостью. Если недостаточность воспріимчивости зависѣла не отъ студента, а отъ другихъ причинъ, то это вело къ бесѣдамъ и къ посильному устраненію причинъ (Н. А. умѣлъ стать въ положеніе студента и зналъ, гдѣ виноватъ и гдѣ не виноватъ студентъ). Студенты сразу начали посѣщать лекціи самымъ аккуратнымъ образомъ. Вопросъ о записываніи въ аудиторіи лекцій Н. А. рѣшалъ въ томъ смыслѣ, что студентъ выноситъ изъ аудиторіи, конечно, и записки, но главнымъ образомъ—познаніе и расположеніе къ домашнему труду, а потому и долженъ относиться съ полнымъ вниманіемъ къ преподаваемому, не ловя слова для записокъ, а усваивая, съ перомъ въ рукахъ, дѣло. Что на репетиціяхъ и собесѣдованіяхъ Н. А. никогда не отсутствовалъ, развѣ если мѣшало что нибудь неотложное по той же службѣ,—можно заключить уже изъ той общей тенденціи, съ которою онъ посѣщалъ аудиторіи. Въ устномъ изложеніи студентомъ того или иного вопроса онъ требовалъ отъ него, какъ будущаго учителя, ясности и методичности, а уклоненій въ сторону не допускалъ; ссылка студента на того или иного

[1]) Первый годъ существованія Института, пока не было еще второго профессора по каѳедрѣ русской словесности и славянскихъ нарѣчій, Н. А. принималъ и активное участіе въ преподаваніи, читая лекціи по исторіи русской литературы.

ученаго и на то или иное сочиненіе заставляла его освѣдомляться, съ достаточною ли основательностью студентъ познакомился съ самимъ сочиненіемъ; затрудненіе студента на собесѣдованіи вызывало съ его стороны добрый совѣтъ, какъ направить занятіе, чтобы освободиться отъ подобныхъ затрудненій; вообще онъ, какъ истинно гуманный человѣкъ, обращалъ вниманіе ввѣренныхъ его попеченію питомцевъ на все, что могло поднять ихъ въ ихъ собственныхъ глазахъ и вселить въ нихъ бодрость и довѣріе къ своимъ силамъ, и все это дѣлалось спокойно, прямо, откровенно и благодушно; одна лишь недобросовѣстность его волновала и даже, можно сказать, злила: отказываться отъ честнаго и посильнаго исполненія своихъ обязанностей не позволялось рѣшительно никому. Нечего говорить, что въ такомъ отношеніи Н. А-ча къ дѣлу находили себѣ громадную поддержку какъ студенты, такъ и преподаватели и, вообще, школа: всякій чувствовалъ, что требованіе не есть что-нибудь, зависящее отъ личности, а нѣчто, вызываемое тою внутреннею необходимостью, которою обусловлено нормальное функціонированіе учебнаго заведенія.--Къ числу регулярно посѣщаемыхъ Н. А-чемъ занятій студентовъ принадлежало такъ называемое домашнее чтеніе; впрочемъ, этотъ трудъ раздѣлялъ съ нимъ, по невозможности управиться одному лицу, тогдашній инспекторъ Института, нынѣ покойный Н. Я. Аристовъ. Подъ домашнимъ чтеніемъ нужно разумѣть провѣрку курсорнаго чтенія древне-классическихъ писателей, обязательнаго для всѣхъ студентовъ Института, какъ будущихъ преподавателей-филологовъ. Первые два года, когда въ Институтѣ имѣлись только младшіе курсы, для самого чтенія назначался особый день, совершенно свободный отъ лекцій, на одной недѣлѣ для греческаго, а на другой—для латинскаго домашняго чтенія, и что студенты приготовили за день, то провѣрялось вечеромъ. Особенно пріучать студентовъ къ тому, чтобы они не смотрѣли на день домашняго чтенія какъ на рекреацію, не приходилось: дѣло требовало непрерывности и сосредоточенности занятій; это студентами сразу было понято, и съ этимъ пониманіемъ они согласовали свои дѣйствія; день домашняго чтенія былъ настоящій Studiertag, какъ его скоро начали называть не только студенты, но за ними и профессора. Для того, чтобы выгадать Studiertag въ общемъ росписаніи лекцій, приходилось нѣкоторыя изъ нихъ переносить на вечернее время. На старшихъ курсахъ, которые дѣлятся по спеціальностямъ, тоже старались, по возможности, устраивать Studiertag'и, но уже не для одного домашняго чтенія, такъ какъ студенты этихъ курсовъ должны имѣть возможность болѣе самостоятельно

распорядиться для своихъ занятій внѣлекціоннымъ временемъ, хотя и тамъ, по крайней мѣрѣ на 3-мъ курсѣ, провѣрка домашняго чтенія происходила еженедѣльно. Николай Алексѣевичъ, докторъ русской словесности, зналъ превосходно древніе языки и въ провѣркѣ домашняго чтенія принималъ живѣйшее участіе.—Какъ предсѣдатель *экзаминаціонныхъ* коммиссій[1]), Н. А., всегда внимательный ко всему, что происходило при немъ, отличался безпристрастною оцѣнкою познаній, пріобрѣтенныхъ студентами тѣмъ непрерывнымъ трудомъ втеченіе года, за которымъ онъ такъ слѣдилъ; тому, что являлось результатомъ подготовки наканунѣ экзамена, онъ особеннаго значенія не придавалъ, хотя самую подготовку онъ считалъ весьма важнымъ дѣломъ, такъ какъ для надлежащаго усвоенія предмета нужно его, отъ времени до времени, обозрѣвать въ его цѣломъ. О результатѣ экзаменовъ студенты узнавали лишь по окончаніи всего экзаменнаго періода, такъ какъ Н. А. держался того взгляда, что о студентѣ можно судить по тому *общему* впечатлѣнію, которое онъ производитъ своими отвѣтами хотя и на частичныхъ испытаніяхъ, но взятыхъ *вмѣстѣ*.

Въ 1878—9 акад. году Институтъ впервые имѣлъ у себя всѣ четыре курса. Съ открытіемъ четвертаго курса вошелъ въ занятія студентовъ новый элементъ: рядомъ съ занятіями по научнымъ предметамъ, студентамъ этого курса, прошедшимъ нѣсколько теоретическихъ отдѣловъ педагогики и дидактики на младшихъ курсахъ, предстояло практиковаться въ институтской гимназіи въ преподаваніи. Приведемъ тѣ мысли, съ которыми Н. А. приступаетъ самъ и ведетъ другихъ къ этой впервые подлежавшей исполненію задачѣ Института (его актовая рѣчь отъ 30 августа 1878 года): „Значеніе пробныхъ уроковъ опредѣляется признанною необходимостью для будущихъ учителей предварительнаго ознакомленія со способами и пріемами практическаго преподаванія въ тѣхъ школахъ, для которыхъ они предназначаются. И теоретическія соображенія, и опытъ привели къ тому заключенію, что начинающій учитель, въ надлежащей полнотѣ усвоившій себѣ необходимыя для предстоящей ему дѣятельности свѣдѣнія, въ наибольшей части случаевъ долго не можетъ

---

[1]) Въ коммиссіяхъ, производящихъ переводное или окончательное испытаніе по тому или иному предмету, всегда предсѣдательствуетъ или директоръ, или инспекторъ; лишь въ случаѣ накопленія экзаменовъ предсѣдательство поручается кому нибудь изъ профессоровъ. Экзаменный періодъ въ Институтѣ, какъ вездѣ,—пятипедѣльный (съ послѣднихъ чиселъ апрѣля до первыхъ чиселъ іюня).

освоиться съ учебною средою, въ которую вступаетъ, и съ образомъ дѣйствій въ этой средѣ, долго дѣйствуетъ ощупью и наугадъ,... причемъ его продолжительное блужданіе и исканіе правильныхъ путей является непроизводительною потерею времени, вредною для него самого, а еще больше для учащихся.... Опыты предварительнаго практическаго преподаванія имѣютъ цѣлью—если не устранить вполнѣ вредъ отъ неопытности учителя, то довести его до minimum'а сообщеніемъ признанныхъ раціональныхъ способовъ и пріемовъ преподаванія. Планъ, по которому имѣютъ производиться эти опыты у насъ, заключается въ слѣдующемъ: Студентъ сначала нѣкоторое время ограничивается наблюденіемъ за процессомъ обученія достойнаго и спеціально призваннаго къ руководству этими опытами наставника-руководителя, и затѣмъ ему поручается сообщеніе ученикамъ гимназіи стоящаго на очереди учебнаго матеріала, его объясненіе и удостовѣреніе въ усвоеніи его учениками, исправленіе письменныхъ ученическихъ работъ, словомъ—полное отправленіе учительской дѣятельности въ заранѣе опредѣленныхъ размѣрахъ и разсчитанное на опредѣленное время. Дѣятельность эта наблюдается, кромѣ наставника-руководителя, начальствомъ Института, а также студентами того же курса, а затѣмъ подвергается общему обсужденію въ особыхъ засѣданіяхъ съ участіемъ студентовъ,—обсужденіемъ, оканчивающимся выводами и въ отрицательномъ и положительномъ смыслѣ, указаніемъ на недостатки и на способы и пріемы правильнаго и раціональнаго обученія. Хотя число опытовъ для каждаго студента ограничено,.... но недостатокъ ихъ отчасти вознаграждается присутствіемъ студентовъ на каждомъ опытѣ ихъ товарища, а также участіемъ ихъ въ обсужденіи произведеннаго опыта. Притомъ опыты вовсе и не могутъ имѣть притязанія на абсолютную полноту усвоенія пріемовъ и способовъ преподаванія уже потому, что послѣдніе безконечно разнообразны и видоизмѣняются по свойству учебнаго матеріала, по составу цѣлаго класса и по личнымъ особенностямъ учащихъ и учащихся и т. д.; они достигаютъ своей цѣли тогда, когда успѣваютъ сообщить общее направленіе и общій характеръ учебной дѣятельности и существенныя частныя ея явленія, уяснить сознаніе будущихъ учителей относительно этой дѣятельности. Спѣшу заключить слѣдующими словами: Не должно преувеличивать значеніе этихъ опытовъ. Они безсильны или малопроизводительны, когда падаютъ на неблагопріятную почву, на ограниченныя способности и знанія, на отсутствіе или недостатокъ призванія и любви къ учительской дѣятельности; они почти излишни для немногихъ призванныхъ настав-

никовъ, о которыхъ, какъ о поэтахъ, можно сказать, что они рождаются. Ни на тѣхъ, ни на другихъ, конечно, не можетъ разсчитывать всеобщая дидактическая практика: она естественно разсчитана на среднюю величину способностей, знанія и призванія. Но и относительно этой средней величины едва ли не должно признать справедливою мысль, иногда высказываемую, что излишество практическихъ опытовъ преподаванія, по крайней мѣрѣ въ значительной части случаевъ, можетъ скорѣе вредить, чѣмъ приносить пользу, ослабляя самостоятельность будущаго учителя, его изобрѣтательность и находчивость; она можетъ механизировать, такъ сказать, его учебную дѣятельность въ зародышѣ. Необходима особенная осторожность и чувство мѣры въ опытахъ подобнаго рода«.

Изъ приведенныхъ словъ видно, что Н. А. влагалъ въ студенческіе опыты преподаванія, какъ во все, за что ни брался, разумную цѣль, а не увлеченіе. Въ странѣ, гдѣ такъ развито дѣло предварительныхъ практическихъ опытовъ будущихъ учителей,—я разумѣю Германію,—въ настоящее время сильно раздаются голоса противъ стремленія нѣкоторыхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ превратить въ учительскихъ семинаріяхъ учительскую дѣятельность въ ремесло и снабдить будущаго учителя шаблонами на всевозможные случаи. Къ лицамъ, относящимся скептически къ этому стремленію, принадлежатъ: Леманъ, Оскаръ Іегеръ и знаменитый Рихтеръ, профессоръ педагогики въ Лейпцигскомъ университетѣ и директоръ тамошней королевской гимназіи. Прислушиваясь къ нимъ[1]), я невольно вспоминаю слова Н. А-ча и все его отношеніе къ практическимъ урокамъ студентовъ. Н. А. ревностно посѣщалъ эти уроки. Что студенты аккуратнѣйшимъ образомъ исполняли свои обязанности и по отношенію къ этому дѣлу, можно судить по тому общему строю, который Н. А. создалъ въ Институтѣ. Но Н. А. поощрялъ къ посѣщенію студенческихъ уроковъ и профессоровъ Института. Въ этомъ

[1]) Гимназію Рихтера я часто посѣщалъ въ 1897 году; она прекрасно поставлена, а педагогическая семинарія въ ней устроена на тотъ же манеръ, какъ въ Институтѣ: студенты-филологи слушаютъ у Рихтера въ университетѣ курсы по педагогикѣ и даютъ практическіе уроки въ его гимназіи; разница лишь та, что тамъ теоретическое преподаваніе педагогики и завѣдываніе практическими уроками соединено въ однихъ рукахъ, и что для пробныхъ уроковъ студентовъ назначаются въ гимназіи особые часы, внѣ общаго гимназическаго росписанія, причемъ гимназисты того класса, въ которомъ назначается пробный урокъ, не обязаны непремѣнно являться всѣ, хотя ихъ бываетъ очень много. Непосредственно послѣ пробнаго урока студента слѣдуетъ разборъ его.

посѣщеніи должна была получить надлежащее выраженіе и надлежащій смыслъ та связь Института съ гимназіею, на осуществленіи которой Н. А. такъ настаивалъ. Институту, воспитывающему будущихъ учителей гимназіи, интересно знать, что дѣлается въ гимназіи, что требуется отъ гимназіи, чего она можетъ достигнуть и достигаетъ. Для удовлетворенія этого интереса, конечно, недостаточно было знакомиться съ протоколами гимназическаго педагогическаго совѣта; гораздо существеннѣе въ этомъ отношеніи было *именно* посѣщеніе профессорами студенческихъ пробныхъ уроковъ, равно какъ и присутствіе ихъ на гимназическихъ испытаніяхъ не только восьмого (испытаніе зрѣлости), но и тѣхъ другихъ классовъ, въ которыхъ тогда, уставомъ 1871 года, постановленъ былъ экзаменъ,—я разумѣю шестой и четвертый классы, куда также профессора Института иногда ходили на экзамены[1]). Кромѣ того посѣщеніе профессорами студенческихъ уроковъ должно было получить еще одно, весьма важное значеніе. Что такое пробный урокъ студента? Это—говаривалъ Н. А.—не есть сообщеніе и объясненіе студентомъ учебнаго матеріала *по учебнику*; это—*испытаніе* студента, насколько онъ способенъ распорядиться въ гимназіи своимъ собственнымъ знаніемъ предмета, насколько онъ способенъ сдѣлать правильный выборъ того, что̀ изъ предмета подлежитъ внесенію въ гимназическій классъ, ка̀къ это внесенное объяснить, не выкладывая всего, чему онъ научается въ Институтѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не погрѣшая противъ науки. При обученіи гимназиста—твердилъ Н. А. студентамъ,—учитель не долженъ ни на минуту переставать быть человѣкомъ науки, но сообщать онъ долженъ гимназисту лишь то, что послѣднему доступно и что на него можетъ повліять въ развивающемъ и воспитательномъ смыслѣ. И вотъ тутъ то, въ собственномъ *научномъ* пониманіи предмета, въ собственномъ *научномъ* обозрѣваніи его, можетъ на пробномъ урокѣ студента прозвучать фальшивая нотка, что и важно знать профессору, такъ какъ это можетъ послужить ему толчкомъ для опредѣленія направленія занятій со студентомъ.

Главное дѣло по пробнымъ урокамъ при Н. А-чѣ дѣлалось по суб-

---

[1]) Н. А., какъ предсѣдатель педагогическаго совѣта Нѣжинской женской гимназіи, часто обращался къ профессорамъ съ просьбою присутствовать на экзаменахъ и въ этомъ учебномъ заведеніи и, такъ сказать, замѣнить его: самъ онъ со всѣмъ управиться не могъ, а для профессоровъ—интересъ тотъ же, что и въ мужской гимназіи, такъ какъ студенты Института, по окончаніи курса, поступаютъ на службу и въ женскія гимназіи.

ботамъ на тѣхъ засѣданіяхъ, о которыхъ мы слышали въ его актовой рѣчи: по субботамъ, вечеромъ, еженедѣльно происходили бесѣды наставниковъ руководителей со студентами по даннымъ ими втеченіе недѣли урокамъ въ присутствіи Н. А-ча и профессоровъ, бывшихъ на урокахъ. Не высказывая ни похвалъ, ни порицаній, наставникъ-руководитель разбираетъ до мельчайшихъ подробностей пробный урокъ студента. Не чувствуется никакихъ стѣснѣній, все идетъ благодушно, потому что главный носитель этого благодушія сидитъ тутъ же. Студентъ, по выслушаніи разбора, излагаетъ свою точку зрѣнія, ему возражаютъ, съ нимъ бесѣдуютъ, иногда вмѣшивается въ бесѣду товарищъ дававшаго урокъ, вся бесѣда ведется объективно, а послѣднее слово принадлежитъ Н. А-чу. Сколько цѣнныхъ указаній студенты получали отъ него, можно судить помимо всего прочаго по тѣмъ выдержкамъ, которыя нами сообщены изъ его статьи »По вопросу объ устройствѣ гимназіи«. Послѣ бесѣды студенты—свободны, а Н. А. вмѣстѣ съ наставниками-руководителями и профессорами, присутствовавшими на бесѣдѣ, отправляется въ общество. При немъ съ самаго начала завелись въ средѣ институтской вмѣстѣ съ гимназическою субботники и устраивались то въ одной семьѣ, то въ другой, то въ складчину. На институтскіе субботники пріѣзжали иногда и сосѣдніе (Кіевскіе) профессора. Н. А. дѣлался душою общества; разговоры шли обо всемъ, а главнымъ образомъ объ интересахъ того же учебнаго заведенія.

Первый выпускъ столь лелѣяннаго Н. А-чемъ Института состоялся въ іюнѣ 1879 года. Помню, незадолго до выдачи студентамъ аттестатовъ пріѣхалъ въ Институтъ г. попечитель Кіевскаго учебнаго округа и въ присутствіи студентовъ обратился къ Н. А-чу со словами: »такъ вы ужъ ихъ теперь отдайте въ мое распоряженіе; я ихъ всѣхъ пристрою«. Такъ и случилось: изъ 15-ти студентовъ, окончившихъ тогда курсъ, лишь одинъ былъ опредѣленъ въ Московскій, всѣ же остальные—въ Кіевскій учебный округъ.

Первый періодъ организаторской работы Н. А-ча окончился, и Н. А. говоритъ о немъ въ своей актовой рѣчи въ августѣ 1879 года такъ: »Истекшій учебный годъ имѣетъ важное значеніе въ исторіи нашего заведенія: имъ завершился первый и полный кругъ дѣятельности Института, первый и полный періодъ ея, обнимающій собою четыре года, начавшійся первымъ пріемомъ студентовъ и окончившійся первымъ ихъ выпускомъ. Каждый годъ этого четырехлѣтія задавалъ новую и усиленную работу конференціи и правленію

Института по установленію какъ учебно-воспитательнаго дѣла, такъ и матеріальной стороны заведенія: въ это время составлены были, въ дополненіе къ уставу, инструкція и разнаго рода правила, обнимающія собою всѣ стороны институтской жизни. Все необходимо было устроить, привести въ порядокъ, всему сообщить движеніе, соотвѣтствующее высокой цѣли заведенія. Работа, совершившаяся въ это четырехлѣтіе, дастъ полную возможность заведенію совершать свое движеніе спокойно, стройно, въ строго-опредѣленномъ порядкѣ. Послѣдующія наблюденія, новыя требованія могутъ вызывать только частныя видоизмѣненія и дополненія, легко приспособляемыя къ твердо установленнымъ основнымъ началамъ. За этимъ первымъ періодомъ институтской жизни послѣдуетъ дальнѣйшее ея развитіе, которое будетъ повторять въ своихъ существенныхъ проявленіяхъ содержаніе перваго четырехлѣтія«. Да, Н. А. поставилъ Институтъ твердо.

Въ слѣдующіе годы Н. А-чу пришлось разработать еще одинъ капитальный вопросъ: послѣднимъ его организаторскимъ дѣломъ въ Нѣжинскомъ институтѣ было открытіе историческаго отдѣленія, одновременно съ открытіемъ такого же отдѣленія въ однородномъ съ Нѣжинскимъ Императорскомъ С.-Петербургскомъ ист.-фил. институтѣ (тамъ и здѣсь историческое отдѣленіе было открыто въ 1882—3 акад. году).

До конца 1881—2 акад. года въ Нѣжинскомъ институтѣ существовали на старшихъ курсахъ, при единствѣ ученія на двухъ младшихъ, лишь два отдѣленія: классическое и славяно-русское, причемъ окончившіе по классическому отдѣленію опредѣлялись преподавателями въ среднія учебныя заведенія на древніе языки, а окончившіе по славяно-русскому—на русскій языкъ во всѣхъ—и на древніе языки въ низшихъ классахъ. Были также два случая командированія окончившихъ курсъ съ ученою цѣлью. Спроса на преподавателей исторіи въ среднія учебныя заведенія въ первые годы существованія Института не было. Не было его въ продолженіи нѣкотораго времени и тогда, когда историческое отдѣленіе было открыто; только лишь съ 1886 года студенты историческаго отдѣленія начали получать мѣста, соотвѣтственныя ихъ спеціальности. Разсчетами на спросъ и не руководились тѣ члены конференціи, которые внесли въ конференцію первую записку объ открытіи историческаго отдѣленія: имѣлось въ виду просто завершить кругъ спеціальностей, зиждущихся на общей филологической почвѣ. Обсужденіе вопроса объ открытіи историческаго отдѣленія началось еще въ мартѣ 1881 года, возобновлялось отъ времени до времени въ засѣданіяхъ кон-

ференціи и закончилось лишь въ мартѣ 1882 года. Дѣло, само собою разумѣется, обсуждалось всесторонне: уяснялось, какое положеніе, по организаціи ученія, новое отдѣленіе должно занять среди существовавшихъ уже и организованныхъ двухъ, какое мѣсто отвести въ новомъ отдѣленіи филологическому чтенію древнихъ авторовъ и стилистическимъ упражненіямъ по древнимъ языкамъ, быть ли или не быть тамъ »домашнему чтенію« со всѣми тѣми его провѣрками, какія практиковались на другихъ двухъ отдѣленіяхъ, какое положеніе должна занять въ новомъ отдѣленіи географія и т. д., обращаемо было, конечно, вниманіе и на то, какое служебное положеніе займутъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ будущіе студенты-историки, но центромъ тяжести во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ былъ вопросъ, поставленный составителями первоначальной записки на первый планъ, именно вопросъ о возможно лучшей постановкѣ историческаго отдѣленія въ смыслѣ *научности* занятій по самой *исторіи*. Этотъ вопросъ рѣшался въ связи съ общеобязательными для студентовъ высшихъ курсовъ занятіями и въ связи съ организаціею и практикою ученія на существовавшихъ двухъ отдѣленіяхъ, и послужилъ поводомъ къ полной провѣркѣ и, такъ сказать, пересмотру всего того, что создано было въ Институтѣ по учебно-воспитательному дѣлу до сихъ поръ. Въ обсужденіи проекта историческаго отдѣленія и всѣхъ вопросовъ, вызванныхъ имъ, принимали живѣйшее участіе не только члены конференціи, но вообще всѣ преподаватели Института. Въ этомъ то живѣйшемъ участіи всѣхъ въ общемъ институтскомъ дѣлѣ и въ сосредоточеніи самого этого дѣла на вопросѣ о научности занятій студентовъ мы должны видѣть не иное что, какъ отраженіе дѣятельности самого Н. А-ча: заинтересовать, въ пользу дѣла, всѣхъ дѣятелей Института всѣмъ, что дѣлалось въ Институтѣ, было всегдашнимъ стремленіемъ Н. А-ча, а что онъ первый настаивалъ всегда на *научности* занятій студентовъ и, гдѣ слѣдовало и можно было, ее поднималъ—въ этомъ не позволитъ усумниться прежде всего его имя, какъ ученаго, а въ частности его взглядъ на университетское преподаваніе, равно какъ и тѣ требованія, которыя предъявлялись имъ къ учителю средней школы (то и другое выяснено нами выше).

Нельзя не отмѣтить еще одной, чрезвычайно важной черты дѣятельности Н. А-ча, какъ директора Института; мы съ нею, впрочемъ, уже встрѣчались, остается ее только подчеркнуть. Николай Алексѣевичъ считалъ для себя обязательнымъ выступать въ качествѣ оратора на институтскихъ торжественныхъ актахъ. Обращеніе директора къ публикѣ,

чтеніе институтскаго, а за нимъ гимназическаго отчетовъ и, наконецъ, академическая рѣчь кого нибудь изъ профессоровъ—вотъ программа акта, отъ которой никогда не дѣлалось никакихъ уклоненій. По уставу Института, торжественные акты въ немъ полагаются въ день св. Александра Невскаго, 30 августа, то-есть какъ разъ въ началѣ академическаго года. Какъ теперь, такъ и тогда, съ торжественнаго акта собственно и начиналась академическая жизнь Института: подготовительныя работы конференціи заканчивались къ 30-му августа, пріемъ новыхъ студентовъ былъ окончательно опредѣленъ, старые были всѣ въ сборѣ, а 31 августа начинались лекціи. Просторная институтская церковь можетъ помѣстить въ себѣ не только всю гимназію и весь Институтъ съ ихъ учебнымъ персоналомъ, но и постороннихъ молящихся, которые при Н. А-чѣ и являлись въ церковь въ большомъ количествѣ въ день институтскаго акта, совпадавшій съ днемъ тезоименитства Государей Императоровъ Александра II и Александра III: Нѣжинскій окружной судъ, именитые граждане города Нѣжина были всегда налицо; не было въ церкви лишь военныхъ, такъ какъ у нихъ въ этотъ день было свое торжество; они, равно какъ и лица духовнаго званія, присоединялись къ институтскимъ гостямъ только къ акту, начинавшемуся въ 12 часовъ. Къ 12-ти часамъ институтскій актовый залъ былъ переполненъ; любителей просвѣщенія оказывалось въ нашемъ провинціальномъ городѣ весьма много; массѣ посѣтителей приходилось стоять; стояли въ самомъ залѣ, а кому тамъ не находилось мѣста,—въ смежной съ нимъ »пріемной«. Послѣ краткой молитвы, пропѣтой учащимися, первымъ всходилъ на каѳедру Николай Алексѣевичъ.

Его актовыя рѣчи представляли собою, въ сущности, введеніе къ оффиціальному отчету, прочитывавшемуся затѣмъ ученымъ секретаремъ конференціи: выдвигались главные моменты дѣятельности Института за истекшій,—и сообщались мысли, опредѣлявшія направленіе этой дѣятельности на предстоявшій академическій годъ. Актовыя рѣчи Н. А-ча составляли, по отношенію другъ къ другу, звенья одного цѣлаго: выясняя въ нихъ общій ростъ Института, онъ очень часто въ новыхъ рѣчахъ ссылался на старыя. Мы назвали эти рѣчи чрезвычайно важными для Института: въ нихъ, хотя и не orbi (по крайней мѣрѣ не непосредственно), но во всякомъ случаѣ urbi излагалось все, чѣмъ Институтъ могъ опредѣлить себя въ глазахъ общества. Мы не станемъ говорить о томъ, какое впечатлѣніе производило на широкую публику живое, изящно произносившееся, убѣдительное и мужественное слово

Н. А-ча. Что касается самого Института, то онъ, въ торжественную минуту и на глазахъ публики, не могъ не чувствовать себя, подъ вліяніемъ словъ Н. А-ча, сплоченнымъ воедино въ лицѣ преподавателей и студентовъ, не могъ не видѣть передъ собою *одну* общую, *высокую* цѣль; отдавая себѣ, подъ вліяніемъ тѣхъ же словъ, отчетъ въ достигнутыхъ результатахъ и готовясь къ предстоящему труду, Институтъ почерпалъ въ рѣчахъ Н. А-ча силу и бодрость для этого труда. Вотъ выдержки изъ актовыхъ рѣчей Н. А-ча, на которыхъ можно бы провѣрить нашу мысль:

»Въ трудную годину брани, въ день тезоименитства Государя Императора, подвизающагося нынѣ великимъ подвигомъ освобожденія роднаго намъ народа, мы, по обычаю, собрались, чтобы предложить вашему вниманію отчетъ о дѣятельности Института и гимназіи въ истекшемъ учебномъ году. Какъ и прежде, я позволю себѣ предварительно сообщить нѣсколько общихъ дополнительныхъ свѣдѣній какъ объ учебно-воспитательной дѣятельности Института, такъ и о матеріальной его сторонѣ.... (1877 г.).

»Поведеніе студентовъ, непрерывно наблюдаемое наставниками и начальствомъ Института и обсуждаемое въ особыхъ засѣданіяхъ педагогическихъ совѣщаній, опредѣленныхъ уставомъ, говоря вообще, было вполнѣ удовлетворительно въ истекшемъ учебномъ году. Немногія и незначительныя уклоненія въ сторону имѣли случайный характеръ и не обнаруживали упорнаго стремленія къ нарушенію установленнаго порядка. Надѣюсь, что въ наступающемъ году число уклоненій уменьшится, студенты высшихъ курсовъ будутъ благотворно дѣйствовать въ нравственномъ отношеніи на вновь поступившихъ и тѣмъ будутъ содѣйствовать утвержденію въ заведеніи добраго направленія, образованію преданія въ смыслѣ этого направленія..... (1877).

»Успѣхи студентовъ, говоря вообще, можно назвать удовлетворительными.... Конечно, позволительно желать большей полноты и равномѣрности успѣховъ, особенно, если принять во вниманіе усилія, направленныя къ этой цѣли, но при этомъ нельзя упускать изъ вида пробѣловъ и неравномѣрности въ предварительной подготовкѣ поступающихъ, дѣйствующихъ неблагопріятно на желаемую быстроту въ общемъ ходѣ учебнаго дѣла. Я могу съ полнымъ одобреніемъ отозваться объ усиліяхъ самихъ студентовъ подняться до уровня нормальныхъ требованій; но эти усилія, при лучшихъ условіяхъ, очевидно, сопровождались бы лучшими результатами.... (1878).

»Прошедшій годъ замѣчателенъ, между прочимъ, потому, что онъ далъ Институту первый контингентъ изъ гимназическихъ стипендіатовъ... Считаю долгомъ указать послѣднимъ на необходимость быть внимательными къ себѣ, на необходимость непрерывнаго движенія впередъ, не успокаиваясь на пріобрѣтенныхъ продолжительнымъ трудомъ познаніяхъ въ виду сравнительно меньшаго ихъ запаса у ихъ товарищей; считаю долгомъ указать на примѣры прежнихъ лѣтъ, когда, при недостаточной внимательности къ себѣ съ одной стороны и непрерывномъ и упорномъ трудѣ съ другой, слабѣйшіе скоро поднимались выше уровня болѣе сильныхъ въ началѣ. Трудно пріобрѣтаются знанія, но и скоро забываются, когда они не оживляются и не возбуждаются новыми пріобрѣтеніями, когда они не совершенствуются.... (1879).

»Годъ тому назадъ, въ этотъ день, я старался указать на значеніе и характеръ опредѣленныхъ уставомъ Института опытовъ практическаго преподаванія студентовъ въ гимназіи. Высказанныя мною тогда теоретическія соображенія въ настоящее время могутъ быть подтверждены наблюденіями надъ опытами этого рода, совершавшимися въ истекшемъ учебномъ году правильно, по предварительно утвержденному конференціею ихъ распредѣленію. Опыты производились вообще удовлетворительно, хотя замѣчаніе, высказанное мною прежде, что начинающій учитель, обладающій необходимыми для его дѣятельности свѣдѣніями, большею частью не скоро можетъ освоиться съ учебною средою, въ которую вступаетъ, и съ образомъ дѣйствій на эту среду, вполнѣ подтверждается наблюденіями: колебаніе и шаткость замѣчались на первыхъ опытахъ даже лучшихъ студентовъ, что совершенно естественно. Указанія, объясненія, внушенія какъ непосредственно послѣ опытовъ, такъ и въ еженедѣльныхъ бесѣдахъ наставниковъ-руководителей со студентами, скоро приходили на помощь, исправляя недостатки, такъ что слѣдовавшіе затѣмъ опыты всегда оказывались болѣе удачными и успѣшными, студенты обнаруживали на урокахъ бо́льшую твердость въ примѣненіи дидактическихъ пріемовъ, бо́льшую увѣренность въ своихъ силахъ и самообладаніе, вслѣдствіе чего оказывалась и бо́льшая производительность самихъ опытовъ.... Вообще же наблюденія за ходомъ преподаванія студентовъ въ гимназіи имѣли своимъ послѣдствіемъ слѣдующія опредѣленія конференціи (разъясняется содержаніе опредѣленій). Окончу свои замѣчанія объ опытахъ преподаванія студентовъ въ гимназіи выраженіемъ искреннѣйшей признательности наставникамъ-руководителямъ (слѣдуютъ имена) за ихъ усердную и плодотворную дѣятельность: ихъ жи-

вое сочувствіе дѣлу, знаніе дѣла и педагогическій тактъ много содѣйствовали развитію въ студентахъ тѣхъ же качествъ. Позволяю себѣ выразить твердую увѣренность, что тѣ же достоинства будутъ отличать ихъ педагогическую дѣятельность и въ наступающемъ учебномъ году.... (1879).

»Внѣшнее устройство Института, съ окончаніемъ нынѣшнимъ лѣтомъ немногихъ запоздавшихъ работъ, можно считать окончательнымъ. Въ настоящее время, съ открытіемъ 4-го курса, открываются всѣ студенческія и профессорскія помѣщенія въ полномъ ихъ составѣ. Сначала, съ первыми двумя курсами, Институтъ ограничивался скромными помѣщеніями въ одной сѣверной части главнаго зданія; аудиторіи находились въ гимназическихъ помѣщеніяхъ, что представляло значительныя неудобства; съ открытіемъ 3-го курса, помѣщенія студентовъ расширились цѣлымъ, надстроеннымъ надъ главнымъ зданіемъ, 3-мъ этажемъ, но аудиторіи все еще оставались въ прежнемъ помѣщеніи, такъ какъ проектированное для нихъ помѣщеніе еще занято было квартирами преподавателей; въ то же время шла дѣятельная работа по постройкѣ двухъ каменныхъ флигелей для профессорскихъ квартиръ; съ окончаніемъ послѣднихъ работъ, просторныя, обширныя, прекрасно освѣщенныя аудиторіи, числомъ шесть, размѣщены въ южной части главнаго зданія. Періодъ построекъ и приспособленій въ обширныхъ размѣрахъ окончился; если впослѣдствіи и окажется потребность въ какихъ-нибудь приспособленіяхъ второстепенной важности, то они, конечно, не представятъ большихъ затрудненій для правленія Института.—Обозрѣніе всѣхъ институтскихъ помѣщеній, просторныхъ и удобныхъ, ихъ весьма значительная стоимость, обязываетъ насъ выразить еще разъ глубочайшую признательность правительству за его неизмѣнную готовность всегда съ живѣйшимъ сочувствіемъ отзываться на удовлетвореніе всѣхъ матеріальныхъ нуждъ Института, не останавливаться передъ новыми жертвами по часто возникавшимъ заявленіямъ о новыхъ, не входившихъ въ первоначальный проектъ, потребностяхъ.... Цѣль Института—образованіе наставниковъ русскаго юношества, конечно, вполнѣ оправдываетъ принесенныя жертвы. Этою цѣлью измѣряются и обязанности всѣхъ служащихъ въ Институтѣ посвятить себя на служеніе этой цѣли, на осуществленіе ея въ предѣлахъ ограниченныхъ человѣческихъ силъ.... (1878).

»Обращаюсь ко вновь поступившимъ студентамъ. Вамъ розданы правила, точно опредѣляющія вашу будущую институтскую жизнь, вы дали подписку въ исполненіи этихъ правилъ, и я надѣюсь, что съ ва-

шей стороны уклоненій отъ нихъ не будетъ. Съ своей стороны долгомъ считаю заявить, что я буду внимательно слѣдить за ихъ исполненіемъ и строго преслѣдовать уклоненія, такъ какъ дисциплина составляетъ необходимое и основное условіе существованія каждаго благоустроеннаго заведенія, тѣмъ болѣе интерната. А потому всѣ ваши привычки и наклонности, пріобрѣтенныя въ прежней вашей жизни и находящіяся въ разногласіи и даже въ противорѣчіи съ вашими правилами, должны быть оставлены вами за порогомъ нашего заведенія. При томъ заведеніе, въ которое вы вступаете, предложитъ вамъ столько труда, предложенный трудъ потребуетъ отъ васъ столько времени, что должны оказаться невозможными серьезныя уклоненія отъ установленнаго порядка... (1879).

»Начиная новый учебный годъ, мы смѣло можемъ смотрѣть впередъ, точно сознавая и высокую, предначертанную нашему заведенію цѣль и способы къ достиженію этой цѣли. Съ нашей стороны необходимо только неуклонное стремленіе къ этой цѣли, живое воодушевленіе ею и это для того, чтобы своею дѣятельностью и полнотою ея успѣховъ оправдать возлагаемыя на Институтъ надежды Государя Императора, въ Его стремленіяхъ къ установленію на незыблемыхъ началахъ системы образованія русскаго юношества« (1876).

Нежеланіе уклоняться отъ программы торжественныхъ актовъ заставило Н. А-ча два раза произнести и академическую рѣчь: первый разъ это было въ самомъ началѣ, въ 1875 году, когда профессора только что съѣхались и начали готовиться къ новой своей дѣятельности,— тогда Н. А. выяснялъ передъ публикою необходимость для Россіи такого рода учебныхъ заведеній, какъ историко-филологическій институтъ,— а второй разъ произнесена имъ была академическая рѣчь въ авг. 1878 года, когда профессоръ, на долю котораго выпадала эта роль, не успѣлъ ко дню акта прибыть въ Нѣжинъ изъ-за границы: на этотъ разъ Н. А., приготовлявшій тогда къ печати сочиненіе »Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ« взошелъ на каѳедру съ небольшими замѣтками въ рукахъ (извлеченіями изъ институтскаго архива), охарактеризовалъ »Гимназію высшихъ наукъ« и привелъ всѣхъ въ восторгъ своимъ умѣніемъ не приковываться къ тетради и своею способностью импровизировать, ни на минуту не погрѣшая противъ изящества слова.

Кромѣ годичныхъ актовъ, происходившихъ въ августѣ, при Н. А-ѣ состоялись въ Институтѣ еще два торжественныхъ акта: первый—12-го декабря 1877 года, по случаю юбилея рожденія Императора Александра I, и затѣмъ другой, о которомъ слѣдуетъ немногими строками ниже. Чита-

лись при Н. А-чѣ и публичныя лекціи; протоколъ засѣданія конференціи отъ 26-го марта ст. 2-я гласитъ: слушали предложеніе г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа за № такимъ-то, коимъ онъ увѣдомляетъ, что согласно представленію конференціи онъ разрѣшаетъ ординарнымъ профессорамъ Будиловичу и Люперсольскому прочесть втеченіе великаго поста нѣсколько публичныхъ лекцій съ благотворительною цѣлью въ пользу недостаточныхъ учениковъ состоящей при Институтѣ гимназіи, по представленнымъ программамъ.

Къ времени службы Н. А-ча въ Нѣжинскомъ Институтѣ относится одно выдающееся событіе въ самомъ Нѣжинѣ, имѣвшее даже не мѣстное, а всероссійское значеніе: 4-го сентября 1881 года состоялось въ Нѣжинѣ открытіе памятника Н. В. Гоголю. Тутъ то единственный разъ Н. А. принялъ участіе, такъ сказать, въ дѣлахъ города: пользуясь глубокимъ уваженіемъ Нѣжинцевъ, онъ избранъ былъ почетнымъ членомъ комитета по сооруженію памятника. Энергичную свою дѣятельность, соединенную съ этимъ званіемъ, онъ завершилъ блестяще: ко дню открытія памятника въ Нѣжинъ съѣхалось много гостей изъ другихъ городовъ,—особенно много было Кіевлянъ,—и въ самомъ Институтѣ, то-есть въ тѣхъ же стѣнахъ, гдѣ нѣкогда Гоголь учился, состоялся торжественный актъ, на которомъ Н. А. произнесъ увлекшую всѣхъ слушателей рѣчь, достойную и Гоголя, и самого автора; содержаніемъ ея было обозрѣніе тѣхъ образовательныхъ вліяній на Гоголя, благодаря которымъ Россія получила отъ него такое богатое наслѣдіе.

Напечаталъ Н. А., въ бытность свою въ Нѣжинѣ, очень немного. Къ 42 номерамъ его трудовъ, напечатанныхъ раньше (оцѣнивать его заслуги передъ русскою наукою я не компетентенъ, и не здѣсь тому мѣсто), прибавились только: 1) »Замѣтка о текстѣ русскихъ былинъ« (въ Извѣстіяхъ Института, т. I, 1877); 2) »Гимназія высшихъ наукъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ 1820—1832« (тамъ же, т. III, 1879); 3) вышеупомянутая рѣчь, подъ заглавіемъ »Къ біографіи Гоголя« (тамъ же т. VI, 1881); кромѣ того въ »Извѣстіяхъ Института« напечатаны нѣкоторыя изъ его актовыхъ рѣчей. Трудно было Н. А-чу отдаться литературной дѣятельности при той сложности занятій и заботъ, которыя онъ принялъ на себя по отношенію къ своему учебному заведенію. Нужно, однако, сказать, что онъ и въ Нѣжинѣ проявлялъ величайшую любовь къ кабинетнымъ занятіямъ ученаго: онъ всегда съ нетерпѣніемъ дожидался каникулъ, чтобы, какъ онъ выражался, »отдохнуть« въ своемъ любимомъ Кочеткѣ, а на дѣлѣ—зарыться въ свою бога-

тую библіотеку, которою онъ обставилъ себя тамъ. Удивляться ли тому, что Н. А., при своемъ громадномъ учебно-педагогическомъ трудѣ не забывалъ и о кабинетныхъ занятіяхъ ученаго, или же тому, что влеченіе, которое онъ чувствовалъ къ этимъ послѣднимъ, не мѣшало ему вникать въ мельчайшія подробности жизни и дѣятельности ввѣреннаго ему учебнаго заведенія? Ни тотъ, ни другой вопросъ не имѣетъ къ Н. А-чу никакого отношенія. Начать съ того, что самъ Н. А. никого удивлять не хотѣлъ; какъ истинный πολίτης, онъ помышлялъ лишь о томъ, чтобы не быть въ долгу ни передъ собою, ни передъ тѣмъ дѣломъ, къ которому былъ приставленъ. Останавливаться на одной точкѣ на пути своихъ *личныхъ* занятій онъ не могъ послѣ того, какъ на этомъ пути было имъ столь много пройдено: общеизвѣстное въ дѣлѣ личныхъ занятій »кто не идетъ впередъ, тотъ идетъ назадъ« онъ постоянно твердилъ другимъ, а что Н. А. твердилъ другимъ, то непремѣнно дѣлалъ самъ, и если о комъ, то именно о немъ можно сказать: жилъ, какъ училъ. Не вникать въ малѣйшія мелочи того дѣла, къ которому его приставила судьба, онъ также не могъ, потому что онъ самъ же говорилъ, что учебно-воспитательное дѣло именно и состоитъ изъ мелочей, и въ этомъ состоящемъ изъ мелочей дѣлѣ ему пришлось принять на себя роль организатора, строго, притомъ, державшагося правила »principiis obsta!«. Обыкновенно говорятъ о такихъ людяхъ, какимъ былъ Николай Алексѣевичъ, что они строги къ самимъ себѣ. Нѣтъ, у него это не строгость была, а нѣчто, вошедшее у него въ кровь и плоть,—нѣчто, въ чемъ строгости не чувствуется,—нѣчто, что привито ему было надлежащимъ *воспитаніемъ*, школа ли его воспитала, или жизнь, повидимому,—та и другая; это была—*власть* надъ собою. Ἦρχεν ἑαυτοῦ—вотъ что можно сказать о немъ въ истинно-Платоновскомъ смыслѣ этого изреченія; потому-то и хорошо было, что на его долю выпало ἄρχειν ἄλλων, опять таки въ *воспитательномъ* отношеніи, потому-то и тѣ, которые больше всѣхъ чувствовали надъ собою эту воспитательную ἀρχήν, именно сама молодежь, больше всѣхъ и относились къ нему съ довѣріемъ, уваженіемъ, любовью и—благодарностью. Достигалъ онъ—у кого бо́льшаго, у кого мѣньшаго, смотря по силамъ каждаго, но добивался многаго. Бывало, иногда указываютъ ему на затрудненія, которыя могли бы встрѣтиться при преслѣдованіи той или иной цѣли, и только и слышится отвѣтъ: ахъ, на это меня хватитъ. И дѣйствительно, хватало, впрочемъ—до поры до времени; въ послѣднее время онъ чувствовалъ себя утомленнымъ отъ неустанной въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ работы, пожелалъ отдохнуть и во

время каникулъ въ 1882-мъ году подалъ прошеніе объ увольненіи отъ должности директора Института. Когда пишущему настоящія строки пришлось говорить съ Николаемъ Алексѣевичемъ о томъ, зачѣмъ онъ покидаетъ заведеніе, то онъ отвѣтилъ: я семь слишкомъ лѣтъ продежурилъ здѣсь, будетъ съ меня.

Да, *именно* »продежурилъ«—съ тактомъ, съ умомъ, съ душою, съ энергіею, съ интересомъ къ дѣлу, съ постоянствомъ, не теряя никогда равновѣсія, съ любовью къ людямъ, съ уваженіемъ и довѣріемъ къ нимъ, чѣмъ поддерживалъ въ нихъ бодрое отношеніе къ дѣлу, которому они себя посвятили, и за что поминаютъ его съ лучшими чувствами всѣ, кому пришлось работать вмѣстѣ съ нимъ и подъ его руководствомъ. Институтъ можетъ считать себя счастливымъ, что рѣшеніе самой трудной задачи, организаторской, досталось такому человѣку, какимъ былъ Николай Алексѣевичъ Лавровскій. Мнѣ довелось быть на его похоронахъ въ Харьковѣ 21 сентября прошлаго 1899 года; и тамъ я былъ свидѣтелемъ глубокаго, скажу прямо, благоговѣнія передъ нимъ всѣхъ, знавшихъ его.

Въ настоящее время исполняется двадцатипятилѣтіе существованія Института, и Институтъ вспоминаетъ о своемъ прошломъ. Мнѣ лично, находящемуся на службѣ въ Институтѣ съ самаго его открытія, трудно было не вспомнить на первомъ мѣстѣ о первомъ директорѣ Института, трудно было не вспомнить о немъ особенно потому, что мы, вѣдь, стоимъ почти что еще надъ свѣжею его могилою. Я не могъ не чувствовать душевной потребности отдать ему долгъ справедливости, и мнѣ пріятно было, когда конференція Института благосклонно приняла мое предложеніе разобрать дѣятельность его въ Институтѣ и одобрила къ напечатанію въ »Извѣстіяхъ« посильное исполненіе этой задачи. Заключаю мои воспоминанія о Николаѣ Алексѣевичѣ Лавровскомъ словами, произнесенными нѣкогда Периклемъ, передъ доблестными согражданами, надъ свѣжей братскою могилою тѣхъ, которые свою доблестную гражданскую жизнь уже окончили: Χαλεπόν ἐστι μετρίως εἰπεῖν ἐν ᾧ μόλις καὶ ἡ δόκησις τῆς ἀληθείας βεβαιοῦται.

А. Добіашъ.

г. Нѣжинъ,
20 мая 1900 г.